

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

На правах рукописи

Коган Леонид Ефимович

**«ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СЕМИТСКИХ
ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИЗОГЛОСС»**

Резюме

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Москва

2020

Общая характеристика работы

Во второй половине XX столетия среди семитологов распространилось скептическое отношение к генеалогической классификации: некоторые видные исследователи квалифицировали эту процедуру не только как «бесполезную», но даже как «вредную» или «опасную» для исторического семитского языкознания. Тем не менее, проблематика генеалогического членения семитских языков продолжает занимать умы многих ученых-семитологов. К этому исследовательскому направлению принадлежит и автор диссертации, по мнению которого работа над генеалогической классификацией является одной из важнейших задач диахронного исследования семитской языковой семьи.

Тема исследования

Различные аспекты взаимодействия между морфологическим и лексическим факторами при построении генеалогической классификации семитских языков являются основной темой данной работы. Каждая из тематических глав (со второй по восьмую) посвящена рассмотрению этой проблемы на материале того или иного семитского классификационного подразделения. Кроме того, в работе рассматриваются некоторые теоретические аспекты развития базового словаря на семитском языковом материале, а также лингвистические и филологические методы определения функционального статуса лексем в живых и древнеписьменных семитских идиомах. Значительное место в работе занимают конкретные этимологические сближения, как ранее предлагавшиеся в литературе (как правило, с существенными уточнениями и дополнениями), так и вновь введенные в научный обиход автором диссертации.

Актуальность диссертации обусловлена слабой разработанностью классификационной проблематики в сравнительной семитологии. Представленная к защите работа является первым и единственным монографическим исследованием, посвященным данной проблеме. Особенно актуальным представляется систематическое сопоставление классификационных решений, полученных с помощью различных методов: повсеместно в диссертации релевантные для генеалогического членения морфологические инновации систематически сопоставляются с данными, полученными при помощи диахронической стратификации базового словаря – как в рамках стословных списков Сводеша (которые в данной работе используются, прежде всего, как общеупотребительный и удобный для анализа лексический срез), так и на основании более широкой выборки фундаментальных концептов.

Научная новизна исследования представляется значительной и может быть описана следующими основными параметрами.

- Настоящая диссертация – первая в истории семитологии работа, в которой классификационно значимые морфологические изоглоссы систематически сопоставляются с данными базового словаря.

- В работе содержатся десятки ранее не известных этимологических сближений, относящихся ко всем классификационным подразделениям семитской языковой семьи.

- Стословные списки семитских языков, используемые в работе, впервые в истории семитологии составлены с использованием новейших филологических методов, что позволило исключить многие необоснованные сближения и, наоборот, предложить убедительные, но ранее не известные, эксклюзивные лексические изоглоссы между языками.

- Впервые в научный обиход вводятся многочисленные ранее не известные лексические данные современных южноаравийских языков, полученные, в том числе, в ходе собственных полевых исследований автора диссертации.

Методологическая основа

Согласно широко распространенному мнению, в основе генеалогической классификации семитских языков должно лежать выявление совместных морфологических инноваций. Этот метод, известный семитологам главным образом по ряду пионерских работ Р. Хецрона, отчасти был предвосхищен уже в трудах О. Рёсслера. Среди современных семитологов наибольший вклад в его развитие внес американский исследователь Дж. Хюнегард.

Наиболее очевидное затруднение, связанное с применением этого метода на семитском материале, состоит в том, что в семитских языках довольно редко встречаются морфологические инновации, которые были бы вполне очевидны и, в то же время, в достаточной степени специфичны: с одной стороны, семитские языки используют довольно ограниченный набор словообразовательных и словоизменительных морфем; с другой стороны, морфология семитских языков как правило очень консервативна, так что древние аффиксы сохраняются чаще, чем возникают новые. Наконец, многие значимые морфологические особенности древних семитских языков невозможно выявить из-за консонантной природы письма, использовавшегося для их записи, не говоря уже об ограниченном и фрагментарном характере многих текстовых корпусов.

Приверженцы исключительно морфологического подхода к классификации семитских языков часто игнорируют тот факт, что отнюдь не всякая морфологическая черта, кажущаяся достаточно специфичной для той или иной подгруппы семитских языков, автоматически может считаться инновацией. В действительности, верно обратное: инновативный характер той или иной морфемы требует детального обоснования.

Морфологическая инновация не возникает *ex nihilo*, она должна возводиться к другой, формально и/или семантически более архаической, морфологической черте. До тех пор, пока диахронное развитие соответствующей морфемы не продемонстрировано достаточно убедительно, она не может рассматриваться как совместная инновация, что значительно уменьшает ее значение для построения классификационной модели.

Кроме того, морфологические инновации, приводящиеся в пользу той или иной модели генетического членения, нередко вступают в противоречие с другими инновативными чертами, на основе которых можно построить другую классификационную схему. В идеале, применение метода Рёсслера–Хецрона предполагает иерархическую оценку морфологических черт, которые привлекаются для построения классификации: некоторые из них оказываются более ценными, чем другие. К сожалению, такого рода анализ предпринимается в семитологических работах крайне редко.

Очевидно, что метод Рёсслера–Хецрона не может применяться без серьезных оговорок. Уже вследствие этого кажется предпочтительным использовать наряду с ним другие потенциально полезные для составления генеалогической классификации инструменты. Речь идет, прежде всего, об особенностях базовой лексики.

Согласно сложившемуся среди семитологов широкому консенсусу, данные лексики не могут иметь серьезного значения для генеалогической классификации. Многим исследователям это представление кажется аксиоматичным и не нуждающимся в специальном обосновании. В тех немногих случаях, когда дело доходит до конкретных аргументов, чаще всего можно встретить три следующих.

- Лексика открыта для заимствований, в то время как морфологические показатели (особенно словоизменительные) заимствуются лишь изредка.
- Оценка значимости лексических черт для генеалогического членения сопряжена с большими трудностями.
- Временной разрыв между той или иной парой или группой сравниваемых языков может быть столь велик, что потенциально релевантные лексические свидетельства безвозвратно утрачены.

На наш взгляд, ни один из этих доводов не является достаточным основанием для отказа от использования лексических данных для семитской генеалогической классификации.

- Проблема заимствований становится намного менее острой, если ограничить область исследования теми слоями базовой лексики, в которых заимствования в принципе встречаются редко.

- Корректная оценка классификационного потенциала лексических единиц едва ли сложнее определения классификационной ценности морфологических изоглосс.

- Возражения хронологического характера не связаны с одними лишь лексическими изоглоссами и направлены против построения генеалогической классификации в целом. Многие семитологи склонны считать, что именно лексика в наибольшей степени подвержена внезапным и непредсказуемым изменениям, однако это утверждение едва ли верно: в процессе коммуникации базовая лексика играет не меньшую роль, чем морфологические показатели, поэтому любые резкие изменения фундаментальных слоев словаря неизбежно поставили бы под угрозу само существование данного языка как самостоятельного идиома.

Лексикостатистические методы генеалогической классификации не получили широкого распространения в сравнительной семитологии, несмотря на то, что благодаря работам этого направления (прежде всего, исследованиям Х. Рабина и А.Ю. Милитарева) были достигнуты несколько важных и вполне убедительных классификационных решений, часть из которых хорошо согласуется с результатами классификации на морфологических основаниях.

Сформировавшееся среди семитологов крайне негативное отношение к лексикостатистическому методу привело к тому, что серьезно дискредитированными оказались любые попытки рассматривать базовую лексику как один из инструментов построения генеалогической классификации. Очевидно, однако, что лексикостатистика – не единственный метод, с помощью которого можно оценить значение лексики для генеалогической классификации.

Как известно, классическая лексикостатистическая процедура одинаково оценивает любые лексические совпадения между рассматриваемыми языками безотносительно к их диахронической природе. В действительности, любая лексическая изоглосса является либо архаизмом, либо инновацией. Поскольку в этом отношении лексика ничем не отличается от морфологии, возникает естественный вопрос: если совместные морфологические инновации принято оценивать как имеющие первостепенную важность для построения классификации, в то время как ценность общих архаизмов варьирует от средней до нулевой, почему бы не применить такой же принцип оценки к базовому словарю?

В рамках такого подхода каждую лексическую изоглоссу, общую для языков X и Y, можно отнести к одной из следующих категорий:

- (1) тривиальные архаизмы (в английской терминологии *trivial retentions*)
- (2) нетривиальные архаизмы (*non-trivial retentions*)
- (3) формальные или семантические инновации

(4) заимствования (из одного языка в другой или в оба из третьего источника)

(5) слова неясного происхождения.

Тривиальными архаизмами мы называем слова, которые в фонологическом и семантическом (функциональном) отношении являются прямыми продолжениями своих праязыковых прототипов. Сохранение их рефлексов с теми же значениями в большем или меньшем числе языков-потомков является вполне ожидаемым, поэтому тривиальные архаизмы чаще всего не имеют значения для целей генеалогического членения. Скорее их отсутствие – общая утрата (*shared loss*) – может быть значимым в отдельных случаях.

Для многих базовых понятий невозможно убедительно реконструировать единое праязыковое обозначение. Так, например, на прасемитский уровень можно возвести целый ряд глагольных корней с приблизительным значением «приходить», «достигать», «прибывать» (**bw*?, **?tw*, **m*₁[?]), однако ни один из них не может с уверенностью быть реконструирован как основной прасемитский экспонент базового значения «приходить»: языки-потомки выбирали свой базовый термин из нескольких альтернативных возможностей, и определить, как обстояло дело в прасемитском, сегодня практически невозможно. Значимость такого рода **нетривиальных архаизмов** для генеалогического членения зависит от степени своеобразия той или иной лексической черты. Существенно, что нетривиальные архаизмы часто образуют более или менее крупные кластеры, поэтому если отдельную изоглоссу такого рода можно счесть случайной, маловероятно, чтобы два языка, между которыми нет близкого генеалогического родства, сделали бы одинаковый выбор в пяти, семи или десяти случаях.

Формальные и семантические **инновации** едва ли нуждаются в пояснениях: в паре или группе сравниваемых языков рефлекс того или иного прасемитского термина претерпевает нетривиальные изменения фонологического, морфологического или, чаще всего, семантического характера. Значимость лексических инноваций для генеалогической классификации представляется очень высокой.

Лексические сходства между языками могут объясняться **заимствованием**. Если нет убедительных доказательств того, что данный термин был заимствован уже на стадии существования праязыка, такие изоглоссы практически бесполезны с точки зрения классификационной проблематики.

Довольно многие из лексических изоглосс, характеризующих отдельные подгруппы семитских языков, не имеют надежной этимологии (несмотря на вполне «семитский» облик). Происхождение таких лексем неизвестно. Термины этого круга заставляют нас вновь и вновь обращаться к хорошо известной глоттогонической проблеме: откуда в

(пра)языках берутся «новые слова»? Правдоподобных альтернатив немного: либо речь идет о прасемитских терминах, унаследованных лишь данной группой языков и утраченных всеми остальными, либо мы имеем дело с необычными фонологическими и/или семантическими трансформациями, которые трудно убедительно выявить с помощью существующих на сегодняшний день инструментов этимологического анализа. Как правило, значимость лексических изоглосс **неясного происхождения** с точки зрения классификационного своеобразия той или иной семитской подгруппы довольно высока: большая часть подобных лексем либо является высокоспецифичными нетривиальными архаизмами, либо инновациями, фонетическую или семантическую природу которых мы в настоящее время не можем убедительно описать.

Предложенная в диссертации схема диахронической стратификации базового словаря семитских языков призвана опровергнуть широко распространенное среди семитологов представление, согласно которому лексика того или иного языка представляет собой беспорядочное скопление слов. На самом деле, как с синхронной, так и с диахронной точки зрения мы имеем дело с глубоко структурированной системой терминов, соответствующих сравнительно ограниченному кругу базовых понятий.

Принципиальную важность для нашей методологии приобретает понятие основного (базового) экспонента того или иного семантического концепта – как в исторически засвидетельствованных идиомах, так и в реконструированных праязыках (в последнем случае наша методология многим обязана пионерским наблюдениям С.А. Старостина, сделанным в его последних опубликованных работах). Хотя для выражения многих понятий в языке может быть несколько синонимов, подлинно нейтральное обозначение, как правило, бывает только одно. При использовании лексических данных в генеалогической классификации функциональному статусу рассматриваемой лексемы должно быть уделено первостепенное внимание. Другими словами, одно лишь *присутствие* лексемы *n* не только в языках X_1 и X_2 , но также в языке Y , не снижает значение лексемы *n* для установления близкого родства между X_1 и X_2 , если только не будет показано, что *n* в языке Y имеет ту же *функциональную нагрузку*, что в языках X_1 и X_2 .

Наша методология многим обязана лексикостатистическому методу и едва ли могла бы сформироваться без теоретического и практического знакомства с его основами. В то же время, представляется уместным выделить и обсудить несколько аспектов, в которых эти методы различаются.

Прежде всего, используемый нами метод оценки классификационной значимости лексических изоглосс не имеет хронологического измерения. Так, например, нет необходимости, доказывая общее происхождение базового словаря эфиосемитских языков,

обращаться ни к абсолютной датировке времени отделения этой группы от празападносемитской общности, ни ко времени последующего разделения праэфиосемитского языка на отдельные ветви и языки. От исследователя не требуется признания гипотезы о том, что утрата праязыковых лексических черт происходит равномерно в хронологическом отношении.

Не менее важным представляется второе отличие: в то время как в нашей работе главное внимание уделено лексическим инновациям, лексикостатистические подсчеты не делают различия между инновации и архаизмами. По этой причине оказывается невозможным проследить, какие факты развития базового словаря являются консервативными, а какие – инновативными. Иными словами, невозможно определить, *почему* языки X_1 и X_2 имеют между собой столь значительное количество лексических совпадений: в силу того, что оба они являются лексически консервативными языками, склонными к сохранению прасемитского лексического наследия, или же потому, что их объединяет общий этап диахронического развития, который другие языки семьи не прошли.

Наконец, что в рамках принятой нами методологии нет необходимости ограничивать корпус рассматриваемых лексических изоглосс в области базового словаря каким-либо закрытым списком. Это представляется нам заметным преимуществом при работе с древними семитскими языками, текстовые корпуса которых подчас весьма ограничены, вследствие чего составление на их материале полноценного стословного списка редко бывает возможно.

Цели и задачи

В ходе работы над генеалогическим членением семитских языков уместно различать два основных аспекта классификационной процедуры, соответствующие двум основным целям диссертации.

С одной стороны, необходимо предложить и обосновать несколько крупных ветвлений семитского языкового древа, таких как восточносемитские языки в противоположность западносемитским или центральносемитские в противоположность южносемитским.

С другой стороны, максимально убедительно должна быть обоснована реконструкция общего предка каждого из малых таксономических подразделений семитской языковой семьи: ханаанейских, арамейских, эфиосемитских, современных южноаравийских языков.

Среди других задач диссертации можно упомянуть решение вопроса о классификационной принадлежности некоторых древнеписьменных идиомов с ограниченными текстовыми корпусами (угаритский, Дейр-Алла, самальский).

Положения, выносимые на защиту

- Базовая лексика прасемитского языка может быть реконструирована с высокой степенью семантической точности, при этом для многих концептов можно с уверенностью постулировать праязыковую лексему со статусом единственного основного экспонента. Это же справедливо для праязыковых состояний более низкого таксономического ранга.

- Несмотря на кажущуюся очевидность, восточносемитская/западносемитская дихотомия лишь с большим трудом может быть обоснована морфологическими данными. В области лексики количество общезападносемитских изоглосс (как правило, за пределами стословного списка) довольно велико, однако доказать их инновативный характер чаще всего очень сложно.

- Лексические данные свидетельствуют о том, что современные южноаравийские языки были первой группой, обособившейся от празападносемитского древа, т.е. предполагают, что центральносемитские и эфиосемитские языки некогда образовывали генеалогическое единство.

- Данные базового словаря (прежде всего, список Сводеша) с ясностью указывают на специфическое родство арабского языка с еврейским и арамейским, т.е. поддерживают центральносемитскую гипотезу Рёсслера–Хецрона и противоречат традиционному представлению о «южносемитском» генеалогическом единстве, включающем в себя арабский язык.

- Традиционно постулируемая северозападносемитская общность, объединяющая ханаанейские и арамейские языки, лишь в незначительной степени отражена на лексическом уровне. Поскольку морфологические инновации, свидетельствующие в ее пользу, также немногочисленны, от выделения этого классификационного подразделения следует отказаться.

- Данные лексики позволяют – вопреки современному консенсусу – относить угаритский язык к ханаанейской общности, в рамках которой он объединяется с финикийским и противопоставляется древнееврейскому.

- Фундаментальная общность базового словаря является ключевым цементирующим фактором арамейской языковой группы начиная с древнейших эпиграфических памятников и вплоть до современных (новоарамейских) идиомов.

- Несмотря на значительное внешнее сходство эфиосемитских языков, морфологические инновации, которые объединяли бы все основные языки этой группы,

практически не известны. Общность базового словаря оказывается едва ли не основным свидетельством в пользу общеэфиосемитского исторического единства. Напротив, данные лексики не подтверждают представления о том, что «северноэфиосемитские» и «южноэфиосемитские» языки произошли от двух разных волн семитской колонизации Эфиопского нагорья.

- Исключительно высокая степень лексического своеобразия – одна из ключевых характеристик современных южноаравийских языков, позволяющая говорить о них как о полноценном классификационном подразделении. В рамках этой группы данные лексики свидетельствуют о близости сокотрийского языка к джиббали (в противоположность мехри), что подтверждается несколькими важными морфологическими изоглоссами.

Научно-практическая значимость диссертации обусловлена, в частности, большим количеством конкретных этимологических сближений, тщательно разработанных в ее рамках. Ввиду отсутствия полноценного обобщающего пособия по семитской этимологии, столь обширный историко-лексикографический свод может служить своеобразной временно заменой для этимологического словаря семитских языков. Весьма значительной представляется также практическая важность диссертации как дидактического пособия по широкому спектру учебных дисциплин, связанных с семитским языкознанием и древневосточной филологией. Наконец, большое количество сравнительно-филологических наблюдений, содержащихся в работе, делает ее ценным подспорьем при чтении и анализе текстов на древних и современных семитских языках.

Апробация

Основной текст диссертации был опубликован в 2015 году на английском языке в виде книги *Genealogical Classification of Semitic: The Lexical Isoglosses* в крупном международном издательстве de Gruyter¹. За истекшие пять лет книга стала общеупотребительным, часто цитируемым пособием не только по классификационной тематике, но и по многим другим аспектам исторической грамматики и лексикографии семитских языков, не говоря уже о конкретных этимологических сближениях.

Различным частным аспектам, так или иначе затронутым в диссертации, посвящены многочисленные статьи автора в международной научной периодике, из них более 15 – в изданиях, индексируемых в WoS и Scopus (*Journal of the American Oriental Society, Bulletin of the School of Oriental and African Studies, Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Journal of Semitic Studies, Brill's Journal of Afroasiatic Languages and Linguistics, Zeitschrift für Assyriologie*).

¹ См. рецензии: Aaron Butts (*JNES* 77:144–149), Na'ama Pat-El (*OLZ* 112:153–157), Gregorio del Olmo Lete (*AuOr* 34:359–369).

Некоторые теоретические положения, обоснованные в диссертации, нашли отражение в других книгах автора. То же справедливо для многочисленных наблюдений более частного характера, а также отдельных этимологических сближений. Так, созданные в соавторстве с А.Ю. Милитаревым два тома «Семитского этимологического словаря» содержат развернутые реконструкции многих элементов прасемитской базовой лексики (анатомические термины и названия животных). «Корпус сокотрийского фольклора» – многотомное издание сокотрийских текстов, осуществляемое под руководством академика В.В. Наумкина и при участии М.С. Булах, содержит большое количество ранее не известных лексем сокотрийского языка, многие из которых имеют непосредственное отношение к историческому анализу лексики СЮЯ. Комментированная публикация «Эфиопско-арабского глоссария» XIV века (в соавторстве с М.С. Булах) позволила проследить бытование многих общеэфиосемитских лексических изоглосс в ранних формах бесписьменных эфиосемитских языков, ранее известных лишь по записям современных ученых. Наконец, первый том «Аккадского этимологического словаря» (в соавторстве с выдающимся немецким ассириологом М. Креберником и при участии Р.М. Нуруллиной) систематически использует результаты диссертации как в теоретическом плане (например, роль эблаитского словаря в осмыслении западносемитской/восточносемитской дихотомии), так и при анализе множества конкретных этимологических сближений.

Многие тезисы, содержащиеся в восьмой главе диссертации, были тщательно апробированы в ходе полевых сезонов на о. Сокотра. Значение полученных из первых рук сокотрийских грамматических и лексических фактов для корректной оценки языкового своеобразия современных южноаравийских языков невозможно переоценить.

Большая часть теоретических положений, обоснованных в диссертации (не говоря уже о ее более практических результатах), нашла отражение в многочисленных языковых и лекционных курсах, которые автор ведет в НИУ ВШЭ и РГГУ («Арабский язык», «Древнееврейский язык», «Угаритский язык и литература», «Сравнительная семитология»).

Научные результаты, полученные в ходе работы над диссертацией, докладывались на международных форумах по семитскому языкознанию и древневосточной филологии, таких как Всемирный конгресс ассириологов, Международный конгресс эфиопских исследований, Конференция европейской ассоциации библеистов, Конференция международной ассоциации сравнительных семитологов.

История вопроса

Лексические изоглоссы спорадически рассматриваются во многих исследованиях, имеющих отношение к генеалогической классификации семитских языков. Сравнительно

репрезентативный перечень авторов, в той или иной мере касавшихся этой проблемы, включает в себя таких корифеев семитского языкознания и филологии, как Ж. Кантино, Р. Хеэрон, Й. Троппер, Дж. Хюнегард, Д. Парди, С. Кауфман. К сожалению, ни одно из этих исследований не достигло того уровня систематичности и обоснованности, который присущ лучшим работам по семитским морфологическим изоглоссам.

Лексикостатистические методы генеалогической классификации не получили широкого распространения в сравнительной семитологии. Среди пионерских исследований шестидесятых-семидесятых годов прошедшего столетия следует упомянуть работы Д. Коэна, Л. Бендера, Г. Флеминга, Х. Рабина. Среди более новых работ заслуживает упоминания статья Ф. Корриенте. Огромный вклад в теоретическую и практическую разработку лексикостатистических методов на семитском материале внесли работы А. Ю. Милитарева, которые характеризует широкий охват исследуемых языков, тщательный подбор релевантных лексем, высокий уровень этимологических сопоставлений.

Структура работы

Диссертация состоит из пространного введения, восьми тематических глав различной длины и небольшого заключения, в котором подводятся основные итоги исследования. К работе прилагается построенная на ее основе схема диалектного членения семитской языковой общности, а также список использованной литературы (более 700 наименований).

Основное содержание работы

Во **введении** изложена общая проблематика значения лексических изоглосс для генеалогической классификации семитских языков, история исследования, а также обоснование избранной автором научной методологии.

Первая глава представляет собой опыт реконструкции базовой лексики прасемитского языка, в рамках которой первоочередное внимание уделяется функциональной нагрузке восстанавливаемых терминов.

Противопоставление между архаизмами и инновациями в словаре того или иного семитского языка получает свой теоретический и практический смысл лишь в сопоставлении с соответствующими прасемитскими реконструкциями. Когда мы говорим об угаритских, арамейских или геэзских лексемах, которые предположительно являются прямыми потомками тех или иных прасемитских терминов, можем ли мы быть уверены в том, что эти термины не просто возводятся на прасемитский уровень, но и функционировали там как основные экспоненты соответствующих понятий? По нашему мнению, ответ на этот вопрос является в целом положительным: для многих базовых

понятий – как именных, так и глагольных – возможна только одна «главная» прасемитская реконструкция.

Уместно обозначить два вида критериев, на основании которых должен проводиться подбор элементов «прасемитского стословного списка».

Если прасемитский корень засвидетельствован с одним и тем же базовым функциональным статусом во всех основных семитских языках, едва ли уместно сомневаться в том, что так же обстояло дело и в праязыке. К такому же заключению можно прийти в ситуации, когда рассматриваемый корень утратил базовый статус в ограниченном количестве языков или малых таксономических подразделений. В большинстве подобных случаев этот корень не исчезает полностью, но лишь более или менее сильно маргинализуется, сохраняясь в одном из менее значимых, периферийных значений. С учетом этого критерия могут быть заполнены следующие позиции прасемитского стословного списка.

1. 'all': **kal-*/**kull-*; 7. 'to bite': **nṭk*/**nkt*; 9. 'blood': **dam-*; 10. 'bone': **ʕatm-*; 13. 'claw': **ṭipr-*; 17. 'to die': **mwt*; 18. 'dog': **kalb-*; 19. 'to drink': **šty*; 21. 'ear': **ʔudn-*; 22. 'earth': **ʔarš-*; 23. 'to eat': **ʔkl*; 25. 'eye': **ʔayn-*; 32. 'full': **mlʔ*; 36. 'hair': **šar-*; 37. 'hand': **yad-*; 38. 'head' — **raʔš-*; 39. 'to hear': **šmʔ*; 40. 'heart': **libb-*; 41. 'horn': **ḳarn-*; 42. 'I': **ʔanā(ku)*; 44. 'knee': **birk-*; 48. 'liver': **kabid-*; 56. 'mouth': **pay-*; 57. 'name': **šVm-*; 59. 'new': **ḥdt*; 60. 'night': **layliy-*; 62. 'not': **lā*; 63. 'one': **ʔaḥad-*; 73. 'seed': **darʔ-*; 80. 'star': **kabkab-*; 82. 'sun': **šamš-*; 84. 'tail': **danab-*; 86. 'this': **dV*; 87. 'thou' — **ʔantā*; 88. 'tongue': **lišān-*; 89. 'tooth': **šinn-*; 91. 'two': **ṭin-ā*; 94. 'water': **māy-*; 95. 'we': **niḥnu*; 98. 'who?': **mannu*.

Если тот или иной корень является основным экспонентом определенного базового понятия в нескольких географически удаленных друг от друга языках, не объединенных особо тесным родством, представляется вероятным, что такая картина отражает прасемитское состояние. При помощи этого критерия на прасемитский уровень могут быть возведены следующие позиции стословного списка.

3. 'bark': **ḳVlp-at-*; 4. 'belly': **kariš-*; 15. 'cold': **ḳrr*; 28. 'fire': **ʔiš(-āt)-*; 35. 'green': **wrk*; 45. 'to know': **wdʔ*; 54. 'moon': **warḥ-*; 61. 'nose': **ʔanp-*; 68. 'root': **šVrš-*; 81. 'stone': **ʔabn-*; 90. 'tree': **ʔiṣ-*; 99. 'woman': **ʔant-at-*.

Таким образом, в прасемитском списке Сводеша можно заполнить **52** позиции. Экстраполируя эти результаты на базовую лексику в целом, можно заключить, что по крайней мере для половины прасемитских лексических единиц, выражающих базовые,

хорошо очерченные концепты, можно не только реконструировать фонологическую и семантическую составляющие, но и сравнительно точно установить функциональный статус в языке.

Несомненный интерес представляет вопрос о дальнейшей судьбе реконструированных прасемитских терминов в частных языках: можно ли утверждать, что некоторые семитские языки являются более (или менее) архаичными с точки зрения сохранения прасемитского лексического фонда?

Наиболее инновативной с этой точки зрения выглядит базовая лексика современных южноаравийских языков. Так, в сокотри отклонения от реконструируемого прототипа обнаруживаются не менее чем в **25** случаях. Среди остальных семитских языков сопоставимая степень инновативности обнаруживается в идиомах южной эфиосемитской ветви. Напротив, древнееврейский и классический сирийский оказываются наиболее консервативными языками. Промежуточное положение занимают аккадский и арабский.

Может показаться, что приведенные нами статистические данные демонстрируют явную хронологическую тенденцию: чем более ранней является письменная фиксация того или иного языка, тем больше архаизмов обнаруживается в его лексике. На самом деле, временная дистанция не является универсальным объяснением для имеющихся в нашем распоряжении фактов. Так, тексты, написанные на старовавилонском диалекте аккадского, по крайней мере на 1800 лет древнее эфиопской Библии, однако количество архаизмов, отмеченных в старовавилонском аккадском и в аксумском геэзе, приблизительно совпадает. Как сокотри, так и тигре являются живыми языками без древней письменной традиции, при этом тигре утратил лишь **8** терминов из первой группы и сохранил **8** позиций во второй, тогда как соответствующие данные для сокотри — **17** и **3**. Более того, картина, которую мы наблюдаем в тигре, лишь немногим более инновативна, чем та, которую можно видеть в кораническом арабском или геэзе, хотя в обоих случаях между рассматриваемыми корпусами имеется разница более чем в 1000 лет.

Вторая глава диссертации посвящена проблематике исторического единства и внутреннего членения западносемитской общности.

Обособленное положение аккадского по отношению к другим семитским языкам считается одним из наиболее аксиоматичных элементов в семитской генеалогической классификации. Такое единодушие в значительной мере обусловлено тем, что вплоть до недавнего времени исследования в области аккадского языка считались глубоко периферийной областью семитологии или вообще оказывались за пределами внимания специалистов по семитскому языкознанию. Для большинства семитологов старой школы аккадский язык был экзотическим идиомом, лишь отдаленно напоминающим

традиционные столпы сравнительной семитологии, такие как еврейский, арабский или сирийский. Одного этого впечатления было достаточно для того, чтобы рассматривать аккадский отдельно от остальных семитских языков, не заботясь о лингвистическом обосновании такого разделения.

В действительности, даже самое поверхностное наблюдение за лингвистическими фактами показывает, что гипотеза о существовании празападносемитской генеалогической общности сталкивается с серьезными трудностями методологического и фактического характера.

- Далеко не все черты, противопоставляющие аккадский другим семитским языкам, значимы для генеалогического членения. Если эти черты являются аккадскими инновациями, все остальные языки следует считать архаичными – но вовсе не обязательно связанными друг с другом. Если же квалифицировать аккадские особенности как прасемитские архаизмы, утраченные другими языками, все эти языки оказываются инновативными, однако такие «негативные» инновации опять-таки не обязательно являются совместными. Фундаментально ошибочным представляется определение западносемитских языков «по остаточному принципу» — “the part of Semitic that did not go along with the innovations of (Proto-)East Semitic” (Н. Каувенберг). Иными словами, изоглоссы, релевантные для обоснования западносемитского генеалогического единства, следует искать не в аккадском, а в самих западносемитских языках: лексические и морфологические особенности, свойственные всем трем основным западносемитским подразделениям (центральноесемитские, эфиосемитские и современные южноаравийские языки), но отсутствующие в аккадском. Однако и в этом случае значимыми могут считаться лишь совместные инновации, а не прасемитские архаизмы, утраченные в аккадском.

- Хронологический разрыв между гипотетической точкой разделения восточносемитских и западносемитских языков и древнейшими письменными свидетельствами на западносемитских языках очень значителен. Дописьменная история аккадского языка также измеряется многими столетиями. В подобной ситуации многие потенциально значимые морфологические и лексические особенности, некогда характеризовавшие все западносемитские подразделения и отличавшие их от аккадского, почти наверняка были утрачены или стерлись до неузнаваемости.

- Восточносемитская ветвь представлена лишь одним языком – аккадским. Это обстоятельство оказывается серьезным препятствием для оценки потенциально значимых празападносемитских изоглосс. Если эти черты являются прасемитскими архаизмами, они могли бы сохраниться в родственном аккадскому восточносемитских идиомах и, тем самым, были бы обоснованно исключены из рассмотрения. Если же речь идет о

празападносемитских инновациях, данные других восточносемитских языков могли бы оказаться ценным подспорьем в реконструкции соответствующих формальных или семантических сдвигов.

- Внешней верификация с помощью данных несемитских афразийских языков на сегодняшний день затруднительна из-за относительной неразвитости соответствующих областей исторической морфологии афразийских языков.

В свете сказанного выше не удивительно, что на протяжении почти целого столетия описание специфики празападносемитского языкового состояния почти всегда сводилось к единственной ключевой изоглоссе: «новому перфекту» **qatal-*, заместившему «старый претерит» **yaqtul*. Какой бы примечательной ни казалась нам эта черта, трудно согласиться с тем, чтобы важнейший для истории семитских языков классификационный постулат основывался лишь на одной морфологической изоглоссе. Более того, внимательное рассмотрение оппозиции между западносемитским перфектом и аккадским стативом показывает, что ее диахроническая природа далеко не столь прозрачна, как это обычно представляется в стандартных пособиях по сравнительной семитологии.

Попытаемся описать несколько дополнительных морфологических изоглосс, как впервые предложенных в диссертации, так и рассматривавшихся в более ранних исследованиях.

- Во всех западносемитских языках наблюдается чередование *a : i, u* для выражения диатетических противопоставлений в рамках одного глагольного корня. В аккадском это явление не представлено.

- Внутренний пассив – префиксальное спряжение **uic₁c₂aC₃* и суффиксальное спряжение **C₁uC₂aC₃-/*C₁uC₂iC₃-* – объединяет центральносемитские и современные южноаравийские языки и может считаться празападносемитской инновацией, не присущей аккадскому.

- Адъективные модели **C₁aC₂iC₃-* и **C₁aC₂īC₃-*, широко употребительные в большинстве западносемитских языках, практически не известны в аккадском.

- Противопоставление *m : n* в формах мужского и женского рода множественного числа личных местоимений (типа **-umi : *-ina*) обычно для западносемитских языков, но чуждо аккадскому, где эта оппозиция выражается лишь гласными (*-uni : -ina*).

- Четырехсогласные корни с редупликацией *C₁C₂C₁C₂* засвидетельствованы во всех западносемитских языках, но не встречаются в аккадском.

- Аккадский и западносемитские наборы именных моделей с *mV*-префиксом существенно различаются: если в аккадском используется практически только модель *ma-*

pras-, в западносемитских языках обычно представлены 2–3 модели с различными функциями.

- Модели *C₁aC₂C₃- и *C₁aC₂aC₃-, широко распространенные в словообразовательной системе западносемитских языков, в аккадском практически не представлены.

Последующие разделы главы призваны дополнить картину, полученную в ходе анализа морфологических изоглосс, данными базового словаря, прежде всего – стословных списков Сводеша. В случае с западносемитской/восточносемитской дихотомией эти данные оказываются довольно противоречивыми. В стословном списке есть пять случаев, когда аккадская лексема противопоставлена единому западносемитскому семантическому эквиваленту (*kātu* vs. **yad*- ‘рука’, *kaḫḫadu* vs. **raʕš*- ‘голова’, *amūtu* vs. **kabid(-at)*- ‘печень’, *mūšu* vs. **layliy(-at)*- ‘ночь’, *sinništu* vs. **ʔant(-at)*- ‘женщина’), однако в каждом из случаев западносемитские лексемы представляют собой очевидные архаизмы, надежно (хотя и рудиментарно) засвидетельствованные также в аккадском.

Единственным более или менее очевидным случаем, когда западносемитские языки противопоставляют аккадскому общую инновацию, является указательное местоимение ‘этот’: ед. ч. **dV* : мн. ч. **ʔVll* в противоположность аккадскому *annū*. Среди других возможных, хотя и не вполне очевидных кандидатов – **ḫrr* ‘быть холодным’, **ʔtw* ‘приходить’, **whb* ‘давать’, **ʕgl*/**gʕl* ‘быть круглым’. Можно заключить, что список Сводеша содержит довольно ограниченное количество данных в пользу исторического единства западносемитских языков.

Если расширить область исследования за счет других сегментов базового словаря, можно сформировать довольно значительный по объему корпус общезападносемитских лексических изоглосс, не отраженных в аккадском: **ʔalp*- ‘тысяча’, **ʔmn* ‘быть верным’, **ʔiʕbaʕ*- ‘палец’, **ʕād*- ‘всё еще’, **ʕtš* ‘чихать’, **ʕwr* ‘быть слепым’, **bi* ‘в; через’, **baʕda* ‘после, позади’, **blʕ* ‘глотать’, **bin*- ‘сын’, **bauna* ‘между’, **dād*- ‘дядя (по отцу)’, **dirāʕ*- ‘локоть’, **ḫadr*- ‘комната, внутреннее помещение’, **ḫVḫw*- ‘поясница’, **ḫalab*- ‘молоко’, **ḫlm* ‘видеть сны’, **ḫkm* ‘быть мудрым’, **ḫVnVk*- ‘нёбо’, **ḫrm* ‘запрещать’, **ḫtb* ‘собирать дрова’, **ḫyu* ‘жить’, **ḫsr* ‘быть недостаточным; терять’, **ḫhl* ‘мочь’, **kwn* ‘быть’, **ḫbl* ‘встречать’, **ḫnʕ* ‘ревновать, завидовать’, **ḫny* ‘приобретать’, **mhr* ‘быть умелым’, **milḫ*- ‘соль’, **mlk* ‘править’, **mal(i)k*- ‘царь’, **min* ‘из, от’, **napš*- ‘self’, **našr*- ‘орел’, **piry*- ‘плод’, **pry* ‘приносить плоды’, **ptw* ‘желать’, **rḫb* ‘быть широким’, **rVmḫ*- ‘копье’, **rwh*

‘дуть’, **rV̄h-* ‘ветер’, **rwy* ‘быть обильным (о воде)’, **rym*/**rwm* ‘быть высоким, длинным’, **str* ‘прятать’, **shb* ‘тянуть, тащить’, **šahr-* ‘месяц’, **šhk* ‘смеяться’, **širš-* ‘коренной зуб, моляр’, **tam(a)r-* ‘финиковая пальма; финики’, **tall-* ‘роса’, **try* ‘быть свежим, сырым’, **wāil-* ‘горный козел’, **wrl-* ‘наследовать’. Этот список представляет значительный интерес с различных точек зрения, однако в большинстве случаев довольно трудно определить, имеем ли мы дело с общими инновациями или с прасемитскими архаизмами.

Важной проблемой, обсуждаемой в особом разделе данной главы, является внутреннее членение западносемитских языков. Отношение центральносемитской группы к двум другим западносемитским ответвлениям, эфиосемитским и современным южноаравийским языкам, может соответствовать одной из четырех возможных моделей генеалогического членения:

- ЦС vs. «южносемитская группа» (СЮЯ + ЭСЯ);
- ЦС, ЭСЯ и СЮЯ как три независимых друг от друга ответвления западносемитского древа;
- ЭСЯ + ЦС vs. СЮЯ;
- СЮЯ + ЦС vs. ЭСЯ.

Первая гипотеза (ЭСЯ + СЮЯ vs. ЦС), самая популярная в современной семитологии, представляет собой модернизированную («постхецронианскую») версию традиционной «южносемитской» теории: «подлинный» южносемитский языковой тип демонстрируют эфиосемитские и современные южноаравийские языки, противопоставленные центральносемитским (включая арабский). На наш взгляд, скольконибудь надежные морфологические аргументы в пользу этой модели отсутствуют, вследствие чего «южносемитскую» гипотезу, следует считать неверной. Лексическими данными она также не подтверждается (так, единственная позиция в стословном списке, в которой мы обнаруживаем уникальную изоглоссу между ЭСЯ и СЮЯ языками, представлена лексемой **šVbh-* ‘жир’).

Вторая модель, при которой ЦС, ЭСЯ и СЮЯ рассматриваются как три независимых ответвления западносемитских языков, была в нуклеарной форме выдвинута В.Я. Порхомовским, а затем поддержана и развита Дж. Хюнегардом, который популяризировал ее в своих обобщающих работах. Эта модель привлекательна тем, что она противостоит традиционной «южносемитской» теории, однако, будучи построенной на отрицании, она с трудом поддается доказательству или опровержению.

Лексические данные списка Сводеша с высокой степенью вероятности подтверждают третью гипотезу, постулирующую близкое родство между центральносемитскими и эфиосемитскими языками, противопоставляя их современным южноаравийским: не менее девяти позиций списка в той или иной мере благоприятствуют такому направлению мысли (**ybš* ‘быть сухим’, **ʔahad-* ‘один’, **ktl* ‘убивать’, **kwm* ‘стоять’, **rʔu* ‘видеть’, **bašar-* ‘мясо’, **škb* ‘ложиться’, **ʔawp-* ‘птица’, **kaml-* ‘вошь’). В его пользу говорят также довольно многочисленные уникальные схождения в других базовых сегментах лексики: **ʔVd* ‘когда; тогда’, **ʔapʔaw-* ‘змея, гадюка’, **ʔVwVl-* ‘детеныш животного, жеребенок’, **ʔmk* ‘быть глубоким’, **brd* ‘быть холодным’, **barad-* ‘град’, **dabr-* ‘открытая местность’, **gibb-* ‘яма, колодец’, **gwr* ‘проживать вместе, быть соседом’, **hdy*/**hzu* ‘видеть’, **hbʔ* ‘прятать’, **hlk* ‘разделять, отмерять’, **hayl-*/**hayl-* ‘сила’, **kry* ‘копать’, **ksm* ‘гадать’, **kawl-*/**kāl-* ‘голос’, **li* ‘к, для’, **lk* ‘посылать’, **ngš* ‘преследовать, принуждать, притеснять’, **parh-* ‘цыпленок, птенец’, **ryb* ‘быть голодным’, **rayab-* ‘голод’, **rḳ* ‘плевать’, **rpʔ* ‘лечить’, **rwṭ* ‘бежать’, **šdk* ‘быть праведным’, **šwʔ* ‘быть плохим’, **šamr-* ‘шерсть, руно’, **hišn-* ‘лоно’, **tVlm-* ‘борозда’, **tahta* ‘под’, **thr* ‘быть чистым’, **taly-* ‘ягненок’, **watr-* ‘жила, сухожилие’, **wayn-* ‘виноград, вино’. К сожалению, приходится констатировать, что существенных морфологических изоглосс, которые объединяли бы эти две группы, выявить не удастся (но ср. модели прилагательных с долгими гласными, особенно **C₁aC₂īC₃-*, а также субстантивные модели с суффиксом **-ān-* типа **C₁VC₂C₃ān-*).

В пользу гипотетического объединения ЦС и СЮЯ могла бы свидетельствовать изоглосса внутреннего пассива, а также показатель **-na* (вместо **-ā*) в формах множественного числа женского рода второго и третьего лица префиксального спряжения. В то же время, эта гипотеза не подтверждается ни одной лексической изоглоссой из списка Сводеша (за возможным исключением **lbn* ‘быть белым’). Эксклюзивные изоглоссы в других сегментах базового словаря имеются, однако их число не велико: **ʔaur-* ‘осел’, **dVbr-* ‘пчела’, **kṣr* ‘быть коротким’, **kayṭ-* ‘лето’, **nam(a)l-* ‘муравей’, **šṣḳ* ‘кричать’, **tad(y)-* ‘грудь’, **tapan-* ‘даман’, **tuhr-* ‘полдень’.

В третьей главе диссертации рассматриваются лексические основания для центральносемитской гипотезы. Центральносемитская гипотеза, постулирующая особую степень родства между арабским и северозападносемитскими языками, была впервые

сформулирована в классической работе Отто Рёсслера (1950). В противоположность общепризнанным в то время взглядам, Рёсслер отделял арабский от других «южносемитских» языков (геэза и мехри) на основании одной фундаментальной особенности глагольной системы: утрата «старого презенса» * $yV-C_1aC_2(C_2)VC_3$ и замена его на «новый имперфект» * $yV-C_1C_2VC_3-i$. Вместе с другими языками, разделяющими эту изоглоссу (арамейскими и ханаанейскими), Рёсслер выделял арабский в особое генеалогическое подразделение, которое он назвал *zweite jungsemitische Stufe*. Несмотря на присущие этому термину хронологические, а не географические коннотации, по своей сути он в точности соответствует современному обозначению «центральносемитские языки».

В модернизированном и уточненном виде концепция Рёсслера была изложена в многочисленных работах Р. Хеэрона, опубликованных в середине 1970-х годов, благодаря которым она быстро приобрела популярность. В настоящее время гипотеза Рёсслера–Хеэрона принята в большинстве обобщающих семитологических работ по классификационной тематике.

Специальное исследование, предпринятое Дж. Хюнегардом (2005), ознаменовало новый этап в истории центральносемитской гипотезы. Положительным итогом работы Хюнегарда стал список морфологических черт, которые, по мнению автора, могут служить надежной опорой для центральносемитской гипотезы. Среди этих черт упомянем, например, систему префиксального спряжения, включающую в себя, помимо индикатива на *-i* и юссива на *-Ø*, субъюнктив на *-a* и энергикус на *-V(n)na*, а также обозначения круглых десятков, которые образуются присоединением показателя множественного числа мужского рода к соответствующим числительным первого десятка.

Несмотря на присущий работе Хюнегарда широкий охват материала, ее нельзя назвать исчерпывающей: систематический обзор морфологических систем центральносемитских языков позволяет предложить еще несколько изглосс, которые могли бы трактоваться как працентральносемитские инновации.

- Инфинитив производных пород с * \bar{a} перед третьим корневым согласным.
- Адъективная модель * $?aC_1C_2aC_3-$: арб. *?aḥmar-* ‘красный’, *?aʕwar-* ‘одноглазый’; угр. *?alʕiy(n)* ‘сильнейший’; евр. *?akzāb* ‘пересыхающий (поток)’, *?ētān* ‘непересыхающий (поток)’.

- Особая модель образования числительных второго десятка: арб. *sabʕata ʕašara* ‘17_с исчисляемым м. р.’ / *sabʕa ʕašrata* ‘17_с исчисляемым ж. р.’.

- Значительное число отглагольных существительных, образованных от одного и

того же корня по одной и той же модели с приблизительно одинаковым значением.

Несмотря на свою популярность, центральносемитская гипотеза разделяется не всеми семитологами. Направленные против нее аргументы можно подразделить на два главных направления.

(1) Критика морфологических изоглосс, объединяющих арабский с арамейскими и ханаанейскими языками. Так, целый ряд исследователей (Ф. Рундгрэн, Н. Каувенберг) не признают инновативный характер формы $*yVC_1C_2VC_3-u$ и, наоборот, считают ее древнейшей и единственной прасемитской формой имперфекта.

(2) Выявление инноваций, общих для арабского и ЭСЯ/СЮЯ, среди которых следующие заслуживают специального упоминания.

- Особый набор моделей образования ломанного множественного числа в арабском и геэзе: модели с $*?a-$; модели с $*-u-$ или $*-ū-$ после второго корневого согласного; модель $*C_1aC_2āC_3iC_4-$.

- Тематический гласный $*-a-$ в суффиксальном спряжении интенсивной и каузативной пород: арб. *qattala*, *?aqtala*, гез. *naggara*, *?angara*.

- Типовой гласный $-a-$ в имперфекте/юссиве интенсивно-рефлексивной породы: арб. *yataqattal*, гез. *uṭnaggar*.

- Производные породы с $*ā$ после первого корневого согласного.

- Использование модели активного причастия $*C_1āC_2iC_3-$ для образования порядковых числительных.

Какими бы сложными и противоречивыми не были рассмотренные выше изоглоссы, следует согласиться с Р. Рэтклифом, который подчеркивает, что агностические понятия вроде *диалектного континуума* не могут быть приняты в качестве надежной альтернативы традиционной процедуре генеалогического членения. Два альтернативных подхода к этой проблеме были удачно сформулированы самим Рэтклифом:

“The linguistic ancestors of Arabic speakers belonged to a Proto-SW Semitic speech community. They separated from this community and came to live in close proximity with speakers of a NW Semitic language” or “The linguistic ancestors of Arabic speakers belonged to a Proto-NW Semitic speech community. They separated from this community and came to live in close proximity with speakers of a SW Semitic language”.

На наш взгляд, морфологические аргументы, которыми оперировали несколько поколений семитологов в дискуссии по данному вопросу, оказываются недостаточными для того, чтобы с уверенностью предпочесть какую-либо из этих двух альтернатив. В

подобных условиях обращение к данным базового словаря представляется практически неизбежным.

Как и в других главах диссертации, за отправную точку в исследовании центральносемитского лексического фонда был взят стословный список Сводеша. Анализ списка показал, что ближайшими родственниками арабского языка являются сирийский и еврейский, с которыми он обнаруживает **47** и **44** общих позиций соответственно. Количество совпадений с другими языками (**38** между арабским и геэзом, **30** между арабским и аккадским, **23** между арабским и мехри) столь заметно отличается в сторону уменьшения, что особая степень генеалогической близости между этими языками и арабским едва ли возможна.

Более тщательный анализ списка позволяет выявить шесть концептов, имеющих одни и те же базовые экспоненты в арабском, еврейском и арамейском. Этот круг лексем может обоснованно считаться специфически центральносемитским: **baṭn-* ‘живот’, **bayṣ-at-* ‘яйцо’, **riḡl-* ‘нога’, **maṭar-* ‘дождь’, **ʔinš-* ‘человек, мужчина’, **maha* ‘что?’.

Систематическое обследование лексики центральносемитских языков за пределами списка Сводеша позволило выявить более ста других лексем, которые могут считаться диагностическими особенностями этой группы.

**ʔadam-at-* ‘земля, почва’, **ʔilāh-* ‘бог’, **ʔilay* ‘к, до’, **ʔabd-* ‘раб’, **ʔimm(-a)* ‘вместе с’, **ʔamm-* ‘народ’, **ʔVsb-* ‘травя’, **baḡar-* ‘крупный рогатый скот’, **gady-* ‘козленок’, **ḡarṇ-* ‘виноградная лоза’, **ḡVrm-* ‘кость’, **ḡalm-* ‘мальчик, юноша’, **ḡnu* ‘петь’, **halumma* ‘сюда’, **hrg* ‘убивать’, **ḡbl* ‘быть беременной; испытывать родовые муки’, **ḡagg-* ‘праздник’, **ḡll* ‘быть обычным, мирским, профанным’, **ḡilb-* ‘жир’, **ḡuld-* ‘крот’, **ḡatan-* ‘зять’, **kʔb* ‘испытывать боль’, **karm-* ‘виноградник’, **kḡb* ‘лгать’, **laḡm-* ‘пища’, **layṭ-* ‘лев’, **maḡār-at-* ‘пещера’, **maḡar-* ‘завтра’, **nʔm* ‘быть хорошим, приятным’, **npl* ‘падать’, **nVš-ūma* ‘женщины’, **parḡ-* ‘побег, цветок’, **rbb* ‘быть большим; быть многочисленным’, **rib(a)b-at-*, **ribw-at-* ‘десять тысяч, множество’, **rkk* ‘быть мягким’, **šllḡ* ‘быть в порядке, процветать’, **šʔr* ‘оставаться’, **šlw* ‘пребывать в покое, безопасности’, **šurr-* ‘пупок’, **šwu* ‘быть ровным’, **šVʔ(V)r-* ‘ячмень’, **šʔr* ‘знать’, **škr* ‘платить, вознаграждать’, **šaml-at-* ‘накидка, верхняя одежда’, **šnʔ* ‘ненавидеть’, **šrd* ‘убегать, спасаться бегством’, **ṭmʔ* ‘быть нечистым’, **ṭamma* ‘там’, **ṭpt* ‘судить’, **ṭwb* ‘возвращаться’, **ṭūr-* ‘гора’, **wʔṭ* ‘советовать’, **wsd* ‘закладывать основание’, **watid-* ‘колышек для палатки’, **ʔṭm* ‘быть виновным’, **ʔdr*

‘помогать’, **dahab-* ‘золото’, **gVbn-at-* ‘сыр’, **gVdVr-* ‘стена, ограда, забор’, **gann-at-* ‘сад’, **ḥbš* ‘связывать’, **ḥmd* ‘желать; быть желанным, приятным’, **ḥpt* ‘быть внимательным, заботиться’, **ḥurr-* ‘свободные, благородные люди’, **ḥarb-* ‘меч, нож’, **ḥamr-* ‘вино’, **ḥawt-*, **ḥayt-* ‘нить’, **kāhin-* ‘жрец, колдун’, **ktb* ‘писать’, **krʔ* ‘звать’, **kVry-at-* ‘деревня, город’, **mnʔ* ‘удерживать, запрещать’, **mnḥ* ‘дарить’, **naʔl-* ‘сандалий’, **nḥl* ‘владеть’, **nḥm* ‘мстить’, **nḥy* ‘быть чистым’, **nšb/*wšb* ‘стоять прямо’, **nšm* ‘дышать’, **rgm* ‘побивать камнями’, **rnn* ‘кричать’, **šyd* ‘охотиться’, **šby* ‘брать в плен’, **škn* ‘пребывать, располагаться’, **tmm* ‘быть полным, завершаться’.

Не все эти примеры одинаково надежны и значимы, однако даже если половина из них признается специфически центральносемитской, столь большое число сходжений в сфере базовой лексики едва ли может быть случайным. На наш взгляд, эти лексические изоглоссы свидетельствуют о том, что базовый словарь арабского языка формировался в тесной связи с арамейскими и ханаанейскими языками и, тем самым, должны считаться важным аргументом в пользу центральносемитской гипотезы.

К сожалению, лишь для сравнительно немногих терминов этого круга можно обосновать инновативную природу. Это затруднение неизбежно подводит нас к фундаментальной глоттогонической проблеме: откуда берутся «новые слова»? Как верно заметил Дж. Хюнегард, единственной разумной альтернативой инновации является архаизм: “It is usually possible — and probably often correct — to suggest that such lexemes are inherited from the proto-language and were simply lost in the languages in which they fail to appear”. Должны ли мы считать, что **rigl-* ‘нога’, **ʕabd-* ‘раб’, **baḳar-* ‘крупный рогатый скот’, **ḡalm-* ‘юноша’ и множество других специфически центральносемитских лексем унаследованы непосредственно из прасемитского, но были утрачены в аккадском, ЭСЯ и СЮЯ? Опасность, скрывающаяся за этим предположением, была ясна уже самому Хюнегарду: “Such reasoning also leads inevitably to the unlikely conclusion that the lexicon of the proto-language must have been larger than that of any of its descendants”. Действительно, если все лексемы с неясной этимологией, которые мы реконструируем для малых и средних таксономических подразделений семитских языков, считать архаизмами, унаследованными из прасемитского состояния, базовый словарь прасемитского языка неизбежно расширится до невероятных размеров.

Даже если некоторые из специфических центральносемитских лексем и представляют собой прасемитские архаизмы, такая оценка едва ли может быть применена

ко всей совокупности выявленных нами примеров. Нет оснований сомневаться, что в очень многих случаях мы имеем дело с формальными и/или семантическими инновациями, диахроническую природу которых нам не удастся установить – в том числе, из-за значительного временного промежутка, отделяющего працентральное семитское состояние от древнейших письменно засвидетельствованных семитских языков. Корни, некогда послужившие деривационными источниками для обсуждаемых терминов, либо бесследно исчезли, либо до неузнаваемости изменили свой фонетический облик и семантику.

Четвертая глава диссертации посвящена лексическим основаниям для северозападносемитской гипотезы. В соответствии с давней традицией, большинство исследователей предполагают существование особой северозападносемитской группы, в которую включают ханаанейские и арамейские языки, а также угаритский.

Анализ существующих работ по данной теме показывает, что грамматические черты, общие для ханаанейских и арамейских языков, лишь изредка оказываются значимыми для генеалогической классификации. Как правило, исследователи рассматривают в этой связи всего три изоглоссы:

- переход начального *w в u;
- двойное маркирование в формах множественного числа сеголатных имен (**malak-ūma* ‘цари’, **malak-ātu* ‘царицы’);
- основа *C₁aC₂C₂iC₃- в суффиксальном спряжении интенсивной породы (в отличие от *C₁aC₂C₂aC₃- в других западносемитских языках).

Лишь первая из этих черт представляется безусловно значимой, в то время как классификационное значение двух других изоглосс далеко не очевидно. Так, предложенное Дж. Хюнегардом описание образования множественного числа у сеголатных имен корректно в синхронном плане, однако в диахронии мы, скорее всего, имеем дело не с инновацией, а с центральносемитским архаизмом (ср. *ban-ūna* ‘сыновья’, **araḏ-ūna* ‘земли’, **ahl-ūna* ‘семьи’, **darab-āt-* ‘удары’ в арабском). Диахронический статус *-i- во втором слого основы перфекта интенсивной породы также остается предметом дискуссии и едва ли может считаться надежной инновативной изоглоссой.

В стословном списке Сводеша между еврейским и сирийским языками отмечается **56** общих черт. При сравнении каждого из этих двух языков с любыми другими семитскими языками количество общих изоглосс оказывается существенно меньшим (например, **47** сходений между сирийским и арабским, **44** между сирийским и аккадским). Более того, сопоставление еврейского с хронологически более близкими к нему арамейскими идиомами позволило бы добиться еще более впечатляющего показателя (вплоть до **61**

схождения).

Детальный анализ еврейско-арамейских лексических схождений показывает, однако, что огромное большинство из них являются тривиальными архаизмами, унаследованными из прасемитского (47), празападносемитского (4) и працентральносемитского (4). Никакого классификационного значения эти схождения иметь не могут, поскольку указывают лишь на высокую степень лексического консерватизма обоих идиомов.

Лишь в 6 случаях можно предполагать, что рассматриваемая изоглосса сформировалась в языке-предке гипотетической ханаанейско-арамейской общности: 'bird': евр. *šippōr* – сир. *šepṛā*; 'breast': евр. *ḥāzā* – сир. *ḥadyā*; 'cloud': евр. *ʾānān* – сир. *ʾnānā*; 'neck': евр. *šawwā(?)r* – сир. *šawrā*; 'sand': евр. *ḥōl* – сир. *ḥālā*; 'to swim': евр. *šḥy* – сир. *šḥā*.

Можно заключить, что данные списка Сводеша не предоставляют достаточно убедительных аргументов в поддержку северозападносемитской гипотезы.

Всестороннее обследование базового словаря арамейских и ханаанейских языков в основном подтверждает предварительные заключения, сделанные на основании данных списка Сводеша: количество эксклюзивных лексических изоглосс, общих для этих двух таксономических подразделений, весьма незначительно: **arway-* 'лев', **dmy* 'напоминать, быть похожим', **gʷu* 'быть высоким', **gnb* 'воровать', **γarpill-* 'туча', **ḥšk* 'быть темным', **kšp* 'гневаться', **naḳib-at-* 'женщина', **šmlḥ* 'пускать побеги, цвести', **šwʾl-* 'пригоршня, горсть', **šrk* 'свистеть', **tʾyr-* 'ворота', **ykl* 'мочь', **yamm-* 'море'.

Совокупность лексических данных не благоприятствует традиционному представлению, согласно которому северозападносемитские языки представляют собой тесное генеалогическое единство. Сравнительно немногочисленные лексические изоглоссы, характеризующие северозападносемитские языки, объясняются одной из двух причин:

- время существования языка-предка группы было слишком непродолжительным для формирования достаточного количества уникальных лексических изоглосс;
- общего языка-предка этой группы не существовало вовсе, а выделенные изоглоссы являются результатом вторичного взаимодействия двух изначально независимых ответвлений центральносемитской группы.

Пятая глава диссертации посвящена проблематике генеалогической атрибуции угаритского языка и тесно связанному с ней вопросу о диахронической природе ханаанейской языковой общности.

Место угаритского языка в генеалогической классификации семитских языков является предметом споров с того самого момента, как этот язык был открыт. Среди множества высказывавшихся гипотез можно выделить два основных направления мысли: одни исследователи (Дж. Хюнегард) рассматривают угаритский как независимое ответвление северозападносемитской группы, тогда как другие относят его к ханаанейской подгруппе (Й. Троппер).

Троппер предпринял попытку доказать ханаанейскую аффилиацию угаритского, используя следующие критерии.

- Утрата эмфатического латерального *š.
- Стяжение последовательностей *aw и *au.
- Мимазия в двойственном и множественном числе мужского рода.
- Действие закона Барта.
- Формы *yʾubd*, *yʾuhb*, *yʾuḥd*, *yʾukl* и *yʾusr* в префиксальном спряжении глаголов со значением «погибать», «любить», «братъ», «есть» и «собирать» (ср. евр. *yō(?)bad*, *yō(?)kal*).
- Утрата *h* в формах префиксального спряжения глагола *hlk* ‘идти’.
- Форма **tiya* для вопросительного местоимения ‘кто?’.
- Терминативно-адвербиальный маркер *-Vh*
- *t*-префиксация в форме 3 л. мн. ч. ж. р. префиксального спряжения.
- Формы префиксального спряжения (в основном, 1 л. ед. и мн. ч.) и императива с расширением *-a* («когортатив»)
- Использование абсолютного инфинитива в роли нарративного предиката.

Хюнегард, в свою очередь, приводит два аргумента против ханаанейской аффилиации.

- Угаритскому не присущ переход $a > i$ в первом слоге основы суффиксального спряжения интенсивной и каузативной пород, характерный для ханаанейских языков первого тысячелетия (евр. *ḵiṭṭēl*, *hiḵṭīl*), но впервые засвидетельствованный уже в амарнском ханаанейском.

- В ауслауте личного местоимения 1 л. ед. ч. не произошел переход **-a > -ī* (*a-na-ki* vs. евр. *ʾānōkī*).

Против представленных Хюнегардом аргументов трудно возразить. В то же время, хотя некоторые доводы Троппера не вполне убедительны, многие из них определенно заслуживают внимания. Более того, в угаритском можно обнаружить и другие черты, сближающие его с ханаанейскими языками.

- *pōlēl* как алломорф основы интенсивной породы для корней Пw/y.
- Двусогласная структура активных причастий от корней Пw/y в основной породе.
- Причастие N-породы с префиксом *nV-*.

Можно констатировать, что угаритский разделяет некоторую часть ханаанейских инновативных изоглосс, но не участвует в ряде других. Такое положение дел наилучшим образом объяснялось бы в рамках промежуточной гипотезы, согласно которой угаритский представляет собой особое ответвление ханаанейской группы, которое претерпело некоторые характерные для нее изменения, но отделилось от нее до появления других типично ханаанейских инноваций. В рамках настоящей главы эта и другие гипотезы о классификационной принадлежности угаритского языка проверяются на основе данных базового словаря.

Угаритский – мертвый язык, обладающий ограниченным и, часто, трудным для понимания текстовым корпусом, поэтому само выявление базовых обозначений фундаментальных понятий оказывается в данном случае непростой филологической задачей. В настоящей главе установлено, что **62** позиции в угаритском стословном списке могут быть заполнены с высокой степенью достоверности.

1. ‘all’: *kl*; 6. ‘bird’: *ʕsr*; 7. ‘to bite’: *nṭk*; 9. ‘blood’: *dm*; 10. ‘bone’: *ʕṭm*; 11. ‘breast’: *ʕirt*; 12. ‘to burn’: *šrp*; 14. ‘cloud’: *ʕrpt*; 7. ‘to die’: *mt*; 18. ‘dog’: *klb*; 19. ‘to drink’: *šty*; 21. ‘ear’: *ʕudn*; 22. ‘earth’: *ʕarṣ*; 23. ‘to eat’: *lḥm*; 25. ‘eye’: *ʕn*; 26. ‘fat’: *šmn*; 28. ‘fire’: *ʕišt*; 29. ‘fish’: *dg*; 31. ‘foot’: *pʕn*; 32. ‘full’: *mlʕ*; 33. ‘to give’: *ytn*; 37. ‘hand’: *yd*; 38. ‘head’: *rʕišt*; 39. ‘to hear’: *šmʕ*; 40. ‘heart’: *lb*; 41. ‘horn’: *ḥrn*; 42. ‘I’: *ʕan, ʕank*; 44. ‘knee’: *brk*; 45. ‘to know’: *ydʕ*; 47. ‘to lie’: *škb*; 48. ‘liver’: *kbd*; 49. ‘long’: *ʕrk*; 53. ‘meat’: *bšr*; 54. ‘moon’: *yrḥ*; 55. ‘mountain’: *yr*; 56. ‘mouth’: *p*; 57. ‘name’: *šm*; 58. ‘new’: *ḥdt*; 60. ‘night’: *ll*; 61. ‘nose’: *ʕap*; 62. ‘not’: *l*; 63. ‘one’: *ʕaḥd*; 68. ‘root’: *šrš*; 71. ‘to say’: *rgm*; 73. ‘seed’: *drʕ, drʕ*; 74. ‘to sit’: *yṭb*; 76. ‘to sleep’: *yšn*; 79. ‘to stand’: *ḥm*; 80. ‘star’: *kbbk*; 81. ‘stone’: *ʕabn*; 82. ‘sun’: *špš*; 86. ‘this’: *hnd*; 87. ‘thou’: *ʕat*; 88. ‘tongue’: *lšn*; 89. ‘tooth’: *šn*; 90. ‘tree’: *ʕṣ*; 91. ‘two’: *ṭn*; 92. ‘to walk’: *hlk*; 94. ‘water’: *my*; 96. ‘what’: *mh*; 98. ‘who’: *my*; 99. ‘woman’: *ʕatt*.

В **18** случаях экспонент базового понятия устанавливается не столь очевидным образом, но все-таки достаточно надежно, чтобы служить материалом для диахронического анализа.

2. ‘ashes’: *ʕmr*; 5. ‘big’: *rb*; 16. ‘to come’: *muy*; 30. ‘to fly’: *ʕp*; 34. ‘good’: *nʕm*; 36. ‘hair’: *šʕr*; 43. ‘to kill’: *mḥṣ*; 52. ‘many’: *mʕad, mʕud*; 64. ‘person’: *bnš* или *mt*; 65. ‘rain’: *mṭr*; 67. ‘road’:

ntb(t); 72. ‘to see’: *phy* или *ʕn* или *ḥdy*; 75. ‘skin’: *yr*; 78. ‘smoke’: *ktr*; 84. ‘tail’: *dnb*; 85. ‘that’: *hnk*, *hnkt*; 97. ‘white’: *lbn*; 100. ‘yellow’: *yrk*.

Для **20** позиций списка Сводеша достоверных угаритских лексем обнаружить не удается. Таким образом, угаритский стословный список заполняется на **80%**. Среди установленных экспонентов около двух третей представляют собой более или менее тривиальные архаизмы, не имеющие существенного значения для классификационной проблематики. Подлинно специфическими могут считаться лишь **26** вхождений (около **30%** списка), которые можно разделить на три группы.

Самая обширная группа (**12** вхождений) включает в себя угаритские лексем, не имеющие параллелей с базовым статусом ни в одном другом семитском языке: 16. ‘to come’: *myu*; 23. ‘to eat’: *lhm*; 26. ‘fat’: *šmn*; 34. ‘good’: *nʕm*; 43. ‘to kill’: *mḥš*; 64a. ‘person’: *bnš*; 64b. ‘person’: *mt*; 67. ‘road’: *ntb(t)*; 71. ‘to say’: *rgm*; 72a. ‘to see’: *phy*; 72b. ‘to see’: *ʕn*; 85. ‘that’: *hnk(t)*.

В две другие группы вошли уникальные изоглоссы, которые угаритский разделяет с еврейским и аккадским соответственно.

Угаритско-еврейские изоглоссы (**5** вхождений): 29. ‘fish’ (*dg – dāg*); 30. ‘to fly’ (*ʕp – ʕwp*); 75. ‘skin’ (*yr – ʕōr*); 76. ‘to sleep’ (*yšn – yšn*); 98. ‘who’ (*my – mī*).

Угаритско-аккадские изоглоссы (**6** вхождений): 2. ‘ashes’ (*ʕmr – tumru*); 6. ‘bird’ (*ʕsr – iṣṣūru*); 11. ‘breast’ (*ʕirt – irtu*); 14. ‘cloud’ (*ʕrpt – erpetu*); 52. ‘many’ (*mʕad, mʕud – mādu*); 78. ‘smoke’ (*ktr – kutru*).

Таким образом, данные списка Сводеша не позволяют подтвердить гипотезу о ханаанейской аффилиации угаритского языка. Более перспективным представляется расширение спектра анализируемых лексических данных с целью установления сравнительно полных перечней уникальных и высокоспецифичных изоглосс, объединяющих угаритский язык как с ханаанейскими (еврейским и финикийским), так и с неханаанейскими семитскими языками (аккадским, арамейским и арабским).

В результате этого исследования было выявлено более **80** эксклюзивных изоглосс, объединяющих угаритский язык с традиционно постулируемой ханаанейской общностью (главным образом, с финикийским и еврейским языками): *ʕibr* ‘бык; конь’, *ʕabun* ‘бедняк’, *ʕdm* ‘быть красным’, *ʕadm* ‘человек; люди’, *ʕadn* ‘господин’, *ʕadr* ‘большой, огромный; великолепный’, *ʕhb* ‘любить’, *ʕamš* ‘сильный’, *ʕin* ‘нет, не имеется’, *ʕan* ‘сила’, *ʕun* ‘несчастье, горе’, *ʕanu(t)* ‘корабль’, *ʕapn* ‘колесо’, *ʕaps* ‘край, конец’, *ʕurbt* ‘окно’, *ʕms* ‘нести; нагружать’,

ʔpʔp ‘зрачок’, *ʔr* ‘город’, *ʔšy* ‘делать’, *bd* ‘у, при’, *bkt* ‘искать’, *brdl* ‘железо’, *dbr* ‘говорить’, *dgn* ‘зерно’, *gg* ‘крыша’, *gl* ‘радоваться’, *grš* ‘выгонять’, *gšm* ‘дождь’, *gt* ‘хутор, сельскохозяйственное поселение’, *hlm* ‘бить’, *hmlt* ‘толпа’, *hr* ‘гора’, *ḥdt* ‘новолуние, месяц’, *ḥln* ‘окно’, *ḥmt* ‘стена’, *ḥrš* ‘мастер, ремесленник’, *ḥwy Št* ‘падать ниц’, *kbs* ‘прачка’, *ksm* ‘полба’, *ln* ‘проводить ночь’, *msk* ‘смешивать’, *nʔr* ‘мальчик, юноша’, *nbk* ‘ключ, источник’, *nbt* ‘мед’, *nḡḥ* ‘бодать’, *nḥš* ‘змея’, *pḡ* ‘получать, приобретать’, *pnt* ‘сочление, позвонок’, *pšʔ* ‘грех, преступление’, *ptt* ‘лён’, *rḥt* ‘сеть’, *sbb* ‘поворачиваться’, *spr* ‘считать; рассказывать’, *šd* ‘поле’, *šmḥ* ‘радоваться, веселиться’, *šns* ‘опоясаться’, *špḥ* ‘семья, род’, *št* ‘класть, ставить’, *tk* ‘середина’, *tllḥn* ‘стол’, *wsr* ‘учить, наставлять’, *yn* ‘вино’, *yr* ‘дождь’, *yrʔ* ‘бояться’, *yšk* ‘лить’, *ytn* ‘быть старым (о вещах, предметах)’.

Столь значительный по объему корпус эксклюзивных изоглосс заметно контрастирует с **18** угаритско-арабских или **26** угаритско-аккадских параллелей, не говоря уже о **5** уникальных лексических чертах, которые угаритский разделяет с арамейским. Многие из рассмотренных лексем относятся к весьма фундаментальным лексическим пластам (**ʔdm* ‘быть красным’, **ʔadam-* ‘человек; люди’, **ʔhb* ‘любить’, **ʔaun-* ‘нет’, **ʔšy* ‘делать’, **bād-* ‘у, при’, **dbr* ‘говорить’, **gašm-* ‘дождь’, **hlm* ‘ударять’, **harr-* ‘гора’, **lyn* ‘проводить ночь’, **naʔr-* ‘мальчик, юноша’, **nub-t-* ‘мед’, **naḥaš-* ‘змея’, **šyt* ‘класть’, **tawk-* ‘середина’, **yrʔ* ‘бояться’, **yšk* ‘лить’, **ytn* ‘быть старым’). Напротив, редкие, слабо засвидетельствованные лексеммы не играют заметной роли в списке.

Примерно в **20** случаях с достаточной степенью достоверности можно реконструировать формальный или семантический механизм праханаанейской инновации: **ʔab(b)īr-* ‘бык; конь’ < **ʔbr* ‘быть сильным’, **ʔVby-ān-* ‘бедняк’ < **ʔby* ‘просить, требовать’, **ʔaun-* ‘нет’ < ‘где?’, **ʔVny(-at)-* ‘корабль’ < ‘сосуд’, **ʔVpn-* ‘колесо’ < **pny* ‘поворачиваться’, **bād-* ‘у, при’ < **bi-yadi* ‘в руке’, **bkt* ‘искать’ < ‘копать, рыть’, **gyl* ‘радоваться’ < ‘кружиться, танцевать’, **ḥudt-* ‘новолуние, месяц’ < ‘быть новым’, **ḥāmiy-(a)t-* ‘стена’ < ‘защищать’, **ḥa(r)raš-* ‘ремесленник’ < **ḥrš* ‘быть мудрым, искусным’, **kbs* ‘стирать’ < ‘топтать, давить’, **kussam-t-* ‘полба’ < ‘резать, делить пополам’, **lyn* ‘ночевать’ < **layliy-* ‘ночь’, **nub-t-* ‘мед’ < **nūb-* ‘пчела’, **naḥaš-* ‘змея’ < ‘зверь’, **paʔm-* ‘раз’ < ‘нога’, **šyt* ‘класть’ < ‘оставлять’.

Близкое родство между угаритским и ханаанейскими языками, не казавшееся

очевидным на материале концептов из списка Сводеша, оказывается довольно вероятным: если и существует какое-то таксономическое подразделение семитских языков, с которым угаритский некогда мог быть связан особым родством, этим подразделением несомненно должна была быть ханаанейская группа.

Принятие гипотезы о ханаанейской природе угаритского языка влечет за собой ряд фундаментальных вопросов генеалогического, географического и исторического характера. Наиболее насущным из них представляется вопрос о том, как следует определять само понятие «ханаанейский язык».

Некоторые из наиболее ярких изоглосс, которые мы обозначили как «праханаанейские», в действительности затрагивают лишь угаритский и финикийский языки, а в еврейском представлены слабо. И наоборот, некоторые лексемы, характерные для еврейского, лишь спорадически засвидетельствованы в угаритском и финикийском. Коль скоро и финикийский, и еврейский считаются бесспорными представителями ханаанейского языкового типа, мы вынуждены заключить, что даже в этих «традиционных» или «классических» ханаанейских языках следует выделять два различных, лишь частично пересекающихся друг с другом пучка лексических изоглосс – «южноханаанейский» и «северноханаанейский».

В рамках такой дихотомии угаритский язык несомненно тяготеет к северноханаанейскому ареалу. Это явление проще всего объяснять географическим соседством Угарита и Финикии в противоположность более южным, внутренним областям Ханаана. В то же время, чисто генеалогическая гипотеза, постулирующая особую степень родства между финикийским и угаритским в рамках ханаанейской группы, также имеет право на существование. Словарный состав этой «финикийской группы» (термин М. Гинзберга) может быть охарактеризован присутствием или отсутствием нескольких важных лексических черт: $^{+}pa^{\circ}m-$ ($^{-}rVgl-$) ‘нога’, $^{+}n^{\circ}m$ (^{-}tyb) ‘быть хорошим’, ^{+}ytn (^{-}ntn) ‘давать’, ^{+}rdr (^{-}gdl) ‘большой’, $^{+}b\ddot{a}d-$ ‘у, при’, $^{+}\check{s}yt$ ($^{-}\check{s}ym$) ‘класть’, $^{+}nub-t-$ ($^{-}dib\check{s}-$) ‘мед’, ^{+}kwn (^{-}hwy) ‘быть’, $^{+}har\ddot{u}\check{s}-$ ($^{-}dahab-$) ‘золото’, $^{+}ralp-$ ($^{-}tawr-$, $^{-}ba\check{k}ar-$) ‘бык; крупный рогатый скот’.

В рамках такого подхода угаритский язык должен рассматриваться не просто как ханаанейский язык, но как ханаанейский язык *par excellence*. Напротив, для еврейского языка следует постулировать своего рода «деханаанизацию».

Корректная оценка классификационной значимости изоглосс между угаритским и ханаанейскими языками возможна лишь на фоне тех эксклюзивных лексических особенностей, которые угаритский разделяет с другими семитскими языками.

Потенциально значимыми представляются три группы уникальных лексических черт: угаритско-арабские, угаритско-арамейские и угаритско-аккадские.

Уникальные изоглоссы между угаритским и арабским занимают особое место в истории изучения угаритского словаря: беспрецедентное богатство традиционных арабских словарей сделало их одним из ключевых источников для интерпретации многих угаритских лексем, значение которых не вытекает напрямую из контекста. Широкое распространение этой практики привело к тому, что некоторые исследователи всерьез рассматривали возможность особой генеалогической близости между этими двумя языками.

Тщательное изучение угаритского лексического материала позволило выявить не более **18** уникальных изоглосс между угаритским и арабским, таких как *ʔušn* ‘подарок’ – арб. *ʔws*; *ʔkḳ* ‘потрошитель’ – арб. *ʔqq*; *ʔtk* ‘привязывать’ – арб. *ʔtk*; *bṣr* ‘смотреть, наблюдать’ – арб. *bṣr*; *gnḡn* ‘внутренности’ – арб. *ḡanān-*; *ḡdd* ‘распухать’ – арб. *ḡdd*; *hdy* ‘наносить порезы’ – арб. *hdw*; *lḡpn* ‘добродушный, милостливый’ – арб. *lḡf*; *mḡd* ‘пища, провиант’ – арб. *ḡdw*; *nḡṣ* ‘дрожать, сотрясаться’ – арб. *nḡd*; *pʔid* ‘сердце’ – арб. *fuʔād-*; *mryḡt* ‘сосунок’ – арб. *ryḡt*; *mzʕ* ‘рвать, раздирать’ – арб. *mzʕ*; *rḡṣ* ‘прыгать, скакать’ – арб. *rḡṣ*; *šbm* ‘затыкать рот’ – арб. *šbm*; *ḡʔiḡ* ‘глина, грязь’ – арб. *ḡaḡḡat-*; *ydy* ‘царапать, рвать’ – арб. *wadyat-*; *yly* ‘товарищ, друг’ – арб. *waliyyu-*.

Это незначительное число адекватно отражает невысокую степень диахронической близости между двумя языками. Более того, подавляющее большинство релевантных угаритских лексем представляют собой *hapax legomena* – слова, сохранившиеся лишь в виде редких поэтических окказионализмов. Тот факт, что эти лексемы имеют надежные параллели только в арабском, объясняется исключительным богатством и разнообразием арабского словаря.

Лексемы, которые могли бы претендовать на статус уникальных угаритско-арамейских изоглосс, очень немногочисленны: *dḡl* ‘бояться’ – арм. **dḡl*; *grdš* ‘рушиться, гибнуть’ – сир. *gardeš*; *nḡt* ‘опускать’ – арм. **nḡt*; *šdy* ‘лить’ – арм. **šdy*; *šḡh* ‘встречать, находить’ – арм. **šḡh*. Очевидно, что сколько-нибудь тесной генеалогической близости между угаритским и арамейским быть не может.

Одним из наиболее интересных наблюдений, сделанных в данной главе, следует признать весьма существенное число уникальных лексических изоглосс между угаритским и аккадским, таких как *ʔugr* ‘поле’ – акк. *ugāru*, *ʔmr* ‘смотреть’ – акк. *amāru*, *ʔišd* ‘нога’ – акк. *išdu*, *ʔušr* ‘пенис’ – акк. *išaru*, *ʔmḡ* ‘сильный’ – акк. *emūḡu*, *ʔrb* ‘входить’ – акк. *erēbu*, *hwt*

‘слово’ – акк. *awatu*, *ḥpr* ‘пищевой рацион, паёк’ – акк. *ipru*, *ḥrn* ‘отряд, бригада, караван’ – акк. *ḥarrānu*, *ḥt* ‘скипетр, жезл’ – акк. *ḥattu*, *kms* ‘наклоняться, вставать на колени’ – акк. *kamāsu*, *kšd* ‘достигать’ – акк. *kašādu*, *ḳbʿ* ‘звать, призывать’ – акк. *ḳabû*, *ḳrd* ‘герой’ – *ḳardu*, *lsm* ‘бежать, спешить’ – *lasāmu*, *mndʿ* ‘может быть’ – акк. *minde*, *n-dd* ‘стоять’ – акк. *izuzzi*, *ngr* ‘глашатай’ – акк. *nāgīru*, *nmrt* ‘сияние’ – акк. *namurratu*, *nš-m* ‘люди’ – акк. *niš-ū*, *pḥd* ‘ягненок’ – акк. *puḥādu*, *sʿin* ‘край, оконечность, бахрома’ – акк. *sūnu*, *tbʿ* ‘отправляться, уходить’ – акк. *tebû*, *tmn* ‘основание, фундамент’ – акк. *temnenu*, *trbš* ‘скотный двор’ – акк. *tarbāšu*, *trḥ* ‘жениться’ – акк. *terḥatu*.

Уникальные лексические изоглоссы между угаритским и аккадским по своей природе в корне отличаются от эксклюзивных лексических схождений между угаритским и западносемитскими языками: в данном случае особой генеалогической близости между двумя языками не может быть в принципе. Иными словами, лексические особенности, объединяющие эти два языка, не могут быть совместными инновациями. Следовательно, появление таких изоглосс должно объясняться одной из двух причин:

- либо мы имеем дело с древними, унаследованными от прасемитского состояния лексемами, которые среди западносемитских языков сохранились лишь в угаритском по причине архаичной природы этого языка и/или его ранней письменной фиксации;
- либо рассматриваемые лексемы являются заимствованиями из аккадского в угаритский, которые не проникли в другие западносемитские языки, в меньшей степени затронутые влиянием клинописной цивилизации.

Шестая глава диссертации посвящена проблеме исторического единства арамейских языков и его отражению в базовом словаре. *What Is Aramaic?* Название этой хорошо известной статьи Дж. Хюнергарда во многом предвосхищает ее содержание. В своей работе Хюнергард анализирует фонологические и морфологические черты, которые принято считать характерными для «классических» арамейских языков, таких как библейский и иудейско-палестинский арамейский, классический сирийский и мандейский. Результаты этого анализа довольно неожиданны: лишь немногие из рассмотренных черт могут быть прослежены в древнеарамейских надписях IX–VIII вв. до н. э. Пытаясь объяснить этот неожиданный факт, Хюнергард отмечает, что для древнеарамейских надписей характерна «определенная степень языковой разнородности», вследствие чего в этом корпусе можно выявить «несколько самостоятельных ранних диалектов». Как предполагает Хюнергард, многие специфические черты, характерные для «классических» арамейских идиомов,

сформировались на более поздней стадии развития арамейского и не нашли отражения в древнеарамейском корпусе. Консолидация «классических» арамейских черт имела место в официальном арамейском, который, по мнению Хюнергарда, является «ключевым этапом в формировании арамейского языка» (точка зрения, подвергнутая обоснованной критике в недавних работах С.В. Лёзова).

В то время как выводы Хюнергарда основываются на анализе праарамейских фонологических и морфологических черт, в настоящей главе предпринята попытка обосновать историческое единство арамейского языка на основании данных базового словаря.

Основное содержание главы составляет подробное описание эксклюзивных общеарамейских изоглосс, засвидетельствованных в древнеарамейских надписях. Среди терминов этого круга можно упомянуть такие лексемы, как **ʔapp-ay* ‘лицо’ (< **ʔanp-* ‘нос’), **ʔzl* ‘ходить’, **ʔbd* ‘делать’, **ʔikkār-* ‘корень’, **ʔll* ‘входить’ (< ‘втыкать, вставлять; погружаться’), **gabr-* ‘мужчина’, **gaww-* ‘внутренняя часть’, **ḥsn* ‘быть крепким, сильным’, **ṣrk* ‘убегать, спастись бегством’, **mill-at-* ‘слово’, **mll* ‘говорить’, **mišʕ(-at)-* ‘середина’, **nḥt* ‘спускаться’, **npk* ‘выходить’, **rāḥim-* ‘друг’, **rḥm* ‘любить’ (< ‘быть милосердным’ < **raḥim-* ‘утроба, матка’), **slk* ‘подниматься’, **špr* ‘быть красивым’, **ḥiwy-* ‘змея’ (< **ḥwy* ‘жить’ < ‘животное’), **māriʔ-* ‘господин’ (< **marʔ-* ‘мужчина, муж’), **šūr-* ‘стена’, **tVnan-* ‘дым’.

Большое значение для установления «диахронического портрета» арамейских языков имеют так называемые морфолексические черты: уникальные структурные особенности, присущие отдельным лексемам с высоким функциональным статусом. Сюда относятся, например, **ʔuḥrān-* ‘другой’, **ʔulaym-* ‘ребенок’, **bay-* ‘дом’, **hwk* ‘ходить’, **kursiʔ-* ‘стул, трон’, **maʔVnay-* ‘сосуд’, **rabrab-* ‘большие’, **bir-* ‘сын’, **ḥad-* ‘один’, **pimm-* ‘рот’.

Появление «новых» лексем в праарамейском языке естественным образом привело к частичному или полному вытеснению их исторических предшественников, таких как **pan-* ‘лицо’, **wrd* ‘спускаться’, **wṣʔ* ‘выходить’, **hlk* ‘идти’, **rʔu* ‘видеть’, до известной степени также **ʔinš-* ‘человек’, **baʔl-* ‘господин’, **šurš-* ‘корень’, **ʔly* ‘подниматься’. Полное (или почти полное) отсутствие этих корней уже в древнейших арамейских памятниках является важным подтверждением исторического единства арамейских языков.

В ходе проведенного выше анализа было выявлено **47** лексических и морфолексических особенностей, которые засвидетельствованы в древнеарамейских надписях и в позднейших арамейских диалектах, но отсутствуют во всех остальных семитских языках либо в большинстве из них. Определенное количество праарамейских лексических особенностей присутствует в любой из древнеарамейских надписей. Так, например, длинная и хорошо сохранившаяся надпись КАІ 224 содержит 20 релевантных особенностей, но даже такая краткая и сильно поврежденная надпись, как КАІ 310 (Тель-Дан) обнаруживает по крайней мере восемь изоглосс.

Принимая во внимание незначительный объем древнеарамейского корпуса и сравнительно слабую сохранность большинства надписей, полученный нами комплекс лексических изоглосс следует признать весьма значимым: не вызывает сомнений, что известные по позднейшим диалектам особенности арамейского словаря вполне сложились уже к началу первого тысячелетия до н. э.

В абсолютном большинстве случаев (**40** из **47**) праарамейские лексические изоглоссы засвидетельствованы в новоарамейских языках. Этот факт нельзя не признать красноречивым свидетельством консерватизма базового словаря арамейских языков, основные особенности которого сохранились неизменными на протяжении трех тысяч лет.

В то же время, необычайную устойчивость базового словаря арамейских языков не следует абсолютизировать: как и в других языках мира, большая или меньшая степень изменчивости наблюдается и здесь. Так, пристального внимания заслуживают общесемитские лексемы, еще присутствующие в древнеарамейском, но полностью или в основном утраченные в позднейших диалектах: *ʾrbh* ‘саранча’ (⇒ **ḵamṣ-*), *ʾš* ‘огонь’ (⇒ **nūr-*), *ʾzz* ‘быть сильным’ (⇒ **tkp*), *gbl* ‘граница, территория’ (⇒ **taḥūm-*), *hry* ‘быть беременной’ (⇒ **bṭn*, **ʾbr*), *ḥpṣ* ‘дело’ (⇒ **šibūt-*), *ḥmh* ‘война’, *ḥm* ‘воевать’ (⇒ **ḵarāb-*), *ḥy* ‘плохой’ (⇒ **bʾš*), *zkn* ‘быть старым’ (⇒ **šyb* или **ḵšš*).

Многие лексические изоглоссы, которые принято считать типично арамейскими, не засвидетельствованы ранее официального арамейского. В большинстве случаев соответствующие понятия отсутствуют в древнеарамейском корпусе, поэтому нельзя исключить, что, если бы они были там засвидетельствованы, их экспоненты не отличались бы от тех, которые использовались в более поздних диалектах. Сюда относятся **ʾlān* ‘дерево’, **dmk* ‘спать’, **dnḥ* ‘восходить (о солнце)’, **kaʾp-* ‘камень’, **kpn* ‘быть голодным’, **šbk* ‘оставлять, покидать’, **šgʾ* ‘быть многочисленным’, **škḥ* ‘находить’, **ṭaly-* ‘юноша, мальчик’, **zyr* ‘быть маленьким’, **zyḡayr-* ‘маленький’, **zbn* ‘покупать’.

Некоторые из общеарамейских лексических изоглосс дают о себе знать лишь в среднеарамейский период. В качестве примера можно привести понятия «братъ» и «носить», которые в древнем и официальном арамейском выражаются общесемитскими корнями **lkh* и **nšʔ*, в то время как в более поздних арамейских памятниках эти древние глаголы полностью вытесняются другими лексемами (**nsb*, **nʔl*, **sbl* и **škl*). Сходную ситуацию мы наблюдаем в случае с корнями **khl* ‘мочь’ и **ʔšt* ‘думать’.

Немалый интерес вызывает вопрос о времени возникновения «новых» арамейских корней. Повсеместное присутствие таких лексем, как **nūr*- ‘огонь’, **tkp* ‘быть сильным’ или **bʔš* ‘быть плохим’ предполагало бы их присутствие уже в праарамейском. Но как могло случиться, что эти слова полностью отсутствуют в самых древних памятниках, восходящих к этому праязыку? Можно предложить несколько альтернативных (хотя и не обязательно исключаящих друг друга) вариантов решения этой дилеммы.

- Рассматриваемые изоглоссы в рудиментарном виде присутствовали в древнеарамейском лексическом инвентаре, но не встречаются в известных надписях по причине их маргинального на тот момент функционального статуса.

- Обсуждаемые корни выражали не вполне ясные для нас оттенки значений, которые на концептуальном уровне отсутствуют в древнеарамейских надписях.

- Древнеарамейские идиомы, отраженные в известных нам памятниках, не являются непосредственными предшественниками всех позднейших арамейских диалектов и не могут отражать всей полноты лексического своеобразия праарамейского языка. Это представление близко к теории С.В. Лёзова, согласно которой западно-восточная дихотомия прослеживается уже в самых ранних арамейских памятниках.

- Некоторые из рассматриваемых лексических черт могли возникнуть в каком-то одном из арамейских (пра-)идиомов и позже проникнуть в словарь других диалектов в результате заимствования.

Значительное внимание в настоящей главе уделено лексическим основаниям для генеалогической классификации двух идиомов, принадлежность которых к арамейской группе является предметом дискуссии. Речь идет о надписях из Самаля (КАИ 214–215) и надписи из Дейр-Алла. Поскольку в новейших исследованиях оба идиома чаще всего классифицируются как арамейские или близкие к арамейским, мы решили взять арамейскую гипотезу за основу и проверить, насколько она согласуется с данными лексики.

Самальские надписи КАИ 214 и 215 довольно сильно повреждены, при этом их тематика не всегда пересекается с тем, что мы находим в «стандартном» древнеарамейском корпусе. В то же время, общий объем корпуса не столь мал и предоставляет достаточный для сравнительного анализа материал.

В самальских надписях можно выделить около десяти черт, которые можно охарактеризовать как праарамейские (или, по крайней мере, «неханаанейские»): *mš^h* ‘середина’, *ʔnš* ‘люди, род человеческий’, *ʔrḥ* ‘дорога’, *ḵdm* ‘перед’, *mrʔ* ‘господин’, *br* ‘сын’, *hwy* ‘быть’, *ḥd/ḥdh* ‘один’/‘одна’, *pm* ‘рот’, *šwrh* ‘корова’. Помимо этих лексем, которые самальский корпус разделяет с древнеарамейскими надписями, в нем также представлены некоторые другие общеарамейские лексеммы, которые в древнеарамейском корпусе не отмечены (по всей видимости, из-за отсутствия в нем релевантных концептов): *ḥtr* ‘жезл, скипетр’, *rgz* ‘гнев’, **ybl* ‘приносить’.

Примеры концептов, представленных в самальском корпусе, но выраженных лексемами «неарамейского» типа, немногочисленны. Наиболее очевидным примером такого рода является глагол *hrg* ‘убивать’, в то время как общеарамейский глагол *ḵtl* с тем же значением отмечен лишь один раз в именной форме *ḵtylt* ‘убитые женщины’. Можно констатировать, что при сравнении надписей КАИ 214–215 и современных им древнеарамейских памятников серьезные лексические расхождения не выявляются. Самальский словарь если и не полностью совпадал с древнеарамейским, различия между ними скорее всего оставались в пределах диалектных особенностей.

Применение тех же принципов анализа к надписи из Дейр-Алла позволяет обнаружить следующие черты сходства с древнеарамейским корпусом: *ʔll* ‘входить’, *ḵrḵ* ‘убегать’, *nrḵ* ‘выходить’, *ʔšr* ‘место’, *ʔty* ‘приходить’, *yhb* ‘давать’, *br* ‘сын’, *ḥd* ‘один’. Кроме того, надпись из Дейр-Алла содержит несколько других характерных арамейских (или, по крайней мере, «неханаанейских») лексем, в древнеарамейском корпусе отсутствующих: *ybl* ‘вести’, *ḥmr* ‘вино’, *ḥtr* ‘посох, жезл’, *ḥwy* ‘рассказывать’, *mlk* ‘советовать’, *mlkh* ‘совет’. Имея в виду плохую сохранность этого текста и его сравнительно небольшой размер, можно утверждать, что по количеству диагностических черт арамейского типа надпись из Дейр-Алла лишь немного уступает самальскому корпусу.

В то же время, полная картина имеющихся фактов не столь тривиальна: в отличие от самальских текстов, где лексические особенности ханаанейского типа почти не

встречаются, в надписи из Дейр-Алла мы обнаруживаем несколько важных изоглосс, сближающих этот диалект с ханаанейскими языками.

- В Дейр-Алла не представлены корни **ʔzl* и **hwk* в значении «идти», при этом в I:5 засвидетельствован императив от **hlk*.

- Корень **hzy* надежно засвидетельствован лишь по отношению к пророческим видениям, в то время как в нейтральном значении «видеть» в I:5 употреблен корень **rʔy*.

- Глагол **ʔbd* ‘делать’ в надписи из Дейр-Алла отсутствует, в то время как *pʔl* с этим значением надежно засвидетельствован в I:2.

- Ни глагол *mll* ‘говорить’, ни существительное *mlh* ‘слово’ не засвидетельствованы в Дейр-Алла, где, однако, представлена форма *dbr* (II:17), которую интерпретируют либо как ‘слово’, либо как ‘он сказал’.

Таким образом, анализ лексики надписи из Дейр-Алла дает противоречивые результаты. На наш взгляд, количество специфически арамейских лексических черт и их природа указывают на особую степень генеалогического родства между языком надписи из Дейр-Алла и арамейскими языками. В то же время, едва ли справедливо помещать этот идиом на один таксономический уровень с приблизительно современными ему арамейскими диалектами. По всей видимости, для языка надписи из Дейр-Алла и древнеарамейского следует постулировать существование общего языка-предка (“Proto-Syrian” или “Proto-Aramoid” в терминологии Хюнегарда), в котором начали формироваться те лексические особенности, которые объединяют эти диалекты и противопоставляют их другим северозападносемитским языкам. Напротив, те праарамейские изоглоссы, которые не нашли отражения в надписи из Дейр-Алла, должны были возникнуть на этапе формирования арамейской ветви в узком смысле.

С таким представлением лучше всего согласуется гипотеза о членении «большой арамейской общности», высказанная С.В. Лезовым, в то время как теории Й. Троппера (первым отделяется самальский, в то время как Дейр-Алла рассматривается скорее как одно из ответвлений древнеарамейского) и Дж. Хюнегарда (последовательное отделение самальского, Дейр-Алла и древнеарамейского от общего «прасирийского» ствола) скорее ему противоречат.

Седьмая глава посвящена проблеме исторического единства эфиосемитских языков. Представление об эфиосемитских языках как о тесном генеалогическом единстве обычно воспринимается семитологами как аксиоматичное. Тем не менее, как справедливо отмечает американская исследовательница Э. Фэйбер, морфологические изоглоссы,

подтверждающие родство эфиосемитских языков, вплоть до недавнего времени не были выявлены.

В 2009 году вышло в свет специальное исследование автора настоящей работы в соавторстве с М.С. Булах, в рамках которого систематически анализируются все морфологические особенности эфиосемитских языков, потенциально релевантные с точки зрения генеалогической классификации.

- Передний гласный после второго корневого согласного в долгой форме префиксального спряжения (геэз *uʾfeṣṣəm* ‘он завершает’).
- Основа герундия *C₁aC₂īC₃- (геэз гез. *ḳatīl-o*).
- Основа помен agentis *C₁aC₂āC₃i (геэз *faṭāri* ‘творец’).
- Образование инфинитива с суффиксом -o(t) (геэз *nagīr-o(t)* ‘говорить’).
- Составные глаголы, состоящие из неспрягаемого элемента, который передает лексическое значение, и спрягаемого вспомогательного глагола (чаще всего восходящего к праэфиосемитскому корню *bhl ‘говорить’).
- Фреквентатив *C₁aC₂āC₂aC₃a (амхарский *gūdaddäfä* ‘совершить много ошибок’).
- Каузатив с префиксом *ʾat-*.

Даже самый тщательный поиск позволяет выявить не более семи потенциально общеэфиосемитских морфологических особенностей, и лишь одна из них (модель имени деятеля *C₁aC₂āC₃i) может считаться таковой с полным основанием. Нет ни одного эфиосемитского языка, который разделял бы в полной мере все семь рассмотренных изоглосс.

Столь скудный набор общих морфологических изоглосс едва ли отвечает нашим ожиданиям по отношению к языковой группе, интуитивно воспринимаемой как теснейшее генеалогическое единство, и с ясностью показывает, насколько ограничены возможности генеалогической классификации, оперирующей только морфологическими изоглоссами. Строго говоря, с помощью морфологических изоглосс невозможно опровергнуть теорию гетерогенного происхождения эфиосемитских языков, некогда выдвинутую М. Коэном и поддержанную Г. Флемингом.

В подобной ситуации классификационный потенциал лексических изоглосс трудно переоценить, поэтому неудивительно, что уже Ж. Кантино, а вслед за ним и Р. Хецрон периодически привлекали лексические данные для описания лингвистического своеобразия эфиосемитских языков как группы. Лишь в рамках настоящей диссертации такое исследование впервые проведено систематическим образом и на широком лексическом

материале.

Праэфиосемитский стословный список с высокой степенью надежности заполняется на **68** позиций, из них более половины составляют тривиальные архаизмы (**36**).

Как и в других семитских подгруппах, нетривиальные архаизмы (**15** вхождений) неоднородны по своему классификационному значению: если такие термины, как **kwm* ‘стоять’, **rʔu* ‘видеть’, **ktl* ‘убивать’, **whb* ‘давать’, характерны для целого ряда других семитских идиомов, позиции типа **bhl* ‘говорить’, **nʔs* ‘быть маленьким’, **awp-* ‘птица’, **tlm* ‘быть чёрным’, **mʔ* ‘приходить’, **šVbh-* ‘жир’, **igr-* ‘нога’, **qVnVm-* ‘дождь’, **kbb* ‘быть круглым’ выглядят весьма специфическими и делают эфиосемитскую аффилиацию того или иного языка совершенно недвусмысленной.

Следующие позиции списка могут быть отнесены к праэфиосемитским лексическим инновациям: **liḥs-* ‘кора’ < **lhṣ*/**hlṣ* ‘срывать, стягивать’; **kabid-* ‘живот’ < ‘печень’, **midr-* ‘земля (*earth*)’ < **mVd(V)r-* ‘ком глины’, **blʔ* ‘есть’ < ‘глотать’, **šahāy-* ‘солнце’ < **šhy* ‘сиять, блестеть’, **kilʔ-ay* ‘два’ < ‘оба’.

К терминам, происхождение которых является неясным или спорным, могут быть отнесены **ḥamad-* ‘пепел, зола’, **kuṣl-* ‘лист’, **šabʔ-* ‘человек’, **bzḥ* ‘быть многочисленным’, **kuḥ* ‘быть красным’, **mwk* ‘быть горячим’.

В праэфиосемитском стословном списке обнаруживается некоторое количество терминов кушитского происхождения: **dammanā* ‘облако’, **ʔankʔakʔiḥo* ‘яйцо’, **ʔāšā* ‘рыба’, **ṣugr-* ‘волосы’, **šigā* ‘мясо’. С оговорками сюда можно отнести также **tīs-* ‘дым’, **brr* ‘летать’ и **ʔwk* ‘знать’. По всей видимости, большая часть этих терминов проникла уже в эфиосемитский праязык. Тем самым, лексемы этого круга являются важной характеристикой всей эфиосемитской группы и имеют определенное классификационное значение.

Систематический анализ имеющегося лексического материала позволяет выявить немало общеэфиосемитских лексических инноваций в других сегментах базовой лексики: **rḳ* ‘быть голым’, **blḥ* ‘быть острым’, **batr-* ‘ветвь, палка’, **ḥmm* ‘быть больным’, **napāš-* ‘ветер’, **maʔār-* ‘мёд’, **ʔamlāk-* ‘бог’, **marʔāt-* ‘невеста, невестка’, **ngš* ‘царствовать’, **rkb* ‘находить’, **ršʔ* ‘забывать’, **tḥw* ‘сосать’, **wald-*, **lid-* ‘сын’, **ziʔb-* ‘гиена’, **ʔilat-*, **maʔalt-* ‘день’, **hlw* ‘быть, иметься’, **ḥwr* ‘идти’, **ḥšb* ‘мыть’, **kyd* ‘шагать, ступать’, **maray-t-* ‘земля, почва’, **nbr* ‘сидеть; жить, обитать’, **ndd* ‘гореть’, **šbb* ‘быть узким’.

Появление праэфиосемитских лексических инноваций влечет за собой исчезновение или сильную функциональную маргинализацию древних экспонентов соответствующих понятий. Среди наиболее примечательных терминов этого круга упомянем прасемитские реконструкции **ʕrw* ‘быть голым’, **mr̥š* ‘быть больным’, **dibš-* ‘мед’, **ʕil-* ‘бог’, **kall-at-* ‘невеста’, **ynk̄* ‘сосать’, **mlk* ‘царствовать’, **mal(i)k-* ‘царь’, **nšy* ‘забывать’, **bin-* ‘сын’, **rh̥š* ‘мыть’, **wtb* ‘сидеть’, **ʕarš-* ‘земля’, **ʕkl* ‘есть’, **šamš-* ‘солнце’, **tin-ā* ‘два’, **šyḳ* ‘быть узким’.

Восьмая глава диссертации посвящена проблематике генеалогической классификации современных южноаравийских языков (СЮЯ). В своей классической монографии, посвященной латеральным сибилантам в семитских языках, Р. Стайнер задается вопросом о лингвистических основаниях для объединения мехри, джиббали и сокотри в рамках генеалогического единства, которое принято называть «современными южноаравийскими языками» (СЮЯ). Убедительных аргументов в пользу этого объединения автору найти не удалось. Со времени выхода в свет монографии Стайнера исследователями СЮЯ был достигнут заметный прогресс в синхронном и диахронном описании языков этой группы, однако фундаментальный вопрос о лингвистических основаниях для их классификационного объединения до сих пор оставался без ответа. Первая часть данной главы представляет собой критический анализ морфологических особенностей СЮЯ, которые были бы одновременно общими для всех этих языков и достаточно специфичными по сравнению с другими семитскими языками. Следующие морфологические изоглоссы представляются перспективными с этой точки зрения.

- Суффикс **-in* как показатель имперфекта интенсивной породы.
- Особая форма юссива с суффиксом *-n* (кондиционалис), используемая для маркирования аподосисов нереальных условных предложений, а также в ряде других маргинальных синтаксических позиций.
- Каузативно-рефлексивная порода с сибилантным префиксом, с помощью которого она противопоставляется каузативной породе с гуттуральным префиксом.
- Особая форма «ломаного множественного» на **-īn*, традиционно описываемая как внешний показатель мн. ч. мужского рода.
- Форма мн. ч. женского рода на **-āt-* с расширением **-Vn*.
- Практически не встречающийся в других семитских языках способ образования «ломаного множественного» посредством замены переднего гласного основы на гласный **a* (*a-replacement* в терминологии Дж. Гринберга).

- Специфические модели диминутива, не встречающиеся в таком виде в других семитских языках.

- Формы двойственного числа местоимений второго и третьего лица $*(?V)tī$ и $*šī$, в которых показатель двойственного числа $-i$ присоединяется к «основному» согласному местоименной морфеме.

Проанализированные выше морфологические изоглоссы СЮЯ в целом не удовлетворяют наших ожиданий ни в количественном, ни в качественном отношении, вследствие чего подробное рассмотрение лексических особенностей СЮЯ представляется весьма желательным.

Поскольку стословные списки СЮЯ, составленные при помощи доказательных филологических и лингвистических методов, ранее не публиковались, их формирование стало одной из важных задач настоящей главы. Для сокотрийского языка, с которым автор много лет работает в полевых условиях, списки составлялись методом прямого опроса информантов с последующим сравнением с данными опубликованных текстовых корпусов. Для языков мехри и джиббали списки составлялись путем систематического анализа всех известных на сегодняшний день текстовых данных, начиная с материалов «Венского корпуса» и заканчивая новейшими публикациями А. Рубина и Дж. Уотсон.

Стословный список для пра-СЮЯ удастся заполнить в **56** позициях, из которых **23** являются тривиальными архаизмами (по сравнению с другими подгруппами семитских языков это число очень невелико).

12 пра-СЮЯ терминов можно квалифицировать как нетривиальные архаизмы: $*ramād-$ ‘пепел’, $*šabḥ-$ ‘жир’, $*kanam-$ ‘вошь’, $*gald-$ ‘кожа’, $*laban-$ ‘белый’, $*kš̄$ ‘быть сухим’, $*twy$ ‘есть’, $*šiwāt-$ ‘огонь’, $*šip-at-$ ‘волосы’, $*ltγ$ ‘убивать’, $*tVwy-$ ‘мясо’. С точки зрения классификационного потенциала почти все эти лексемы весьма специфичны: параллели для них находятся лишь в немногих языках за пределами данной группы.

5 позиций в списке могут быть признаны совместными семантическими инновациями пра-СЮЯ: $*šayd-$ ‘рыба’ < $*šyd$ ‘охотиться, рыбачить’, $*Vrr-at-$ ‘луна’ < $*rr$, $*ḥaw-$ ‘рот’ (< ‘дыра, отверстие’), $*naḥrīr-$ ‘нос’ < $*naḥīr-$ ‘ноздря’, $*pr$ ‘быть красным’ < $*apar-$ ‘почва’. Значение этой группы терминов для определения генеалогического своеобразия СЮЯ трудно переоценить.

В **16** позициях списка экспоненты являются терминами неизвестного происхождения: $*ḥwr$ ‘быть черным’, $*dVr(y)-$ ‘кровь’, $*nḥy$ ‘жечь’, $*kšm$ ‘быть холодным’, $*kaḥl-$ ‘яйцо’, $*ššr$ ‘быть зеленым’, $*hā$ ‘я’, $*γrb$ ‘знать’, $*šaylap(-at)-$ ‘лист’, $*γayg-$ ‘человек’,

**tad*- ‘один’, **ma-lsay*- ‘дождь’, **ar(V)m*- ‘дорога’, **mr* ‘говорить’, **šny* ‘видеть’, **hVram*- ‘дерево’. По всей видимости, в большей части случаев мы имеем дело либо с нетривиальными прасемитскими архаизмами, либо с высокоспецифичными инновациями с очень необычными фонологическими и/или семантическими характеристиками.

Следующий раздел главы содержит диахроническую стратификацию базовых лексических слоев за пределами стословного списка. Всего удалось собрать и проанализировать **137** лексических единиц, объединяющих мехри, джиббали и сокотри в противоположность остальным семитским языкам: **ib-ā* ‘люди’, **irān*- ‘козы’, **ibal*- ‘кремень’, **dg* ‘сосать’, **kr* ‘расти, быть большим’, **amq*- ‘середина’, **an-at*- ‘бурдюк’, **šš* ‘подниматься’, **bdu* ‘лгать’, **bā* ‘здесь’, **bVr* ‘уже’, **bry* ‘рожать’, **dVm(m)*- ‘гной’, **dny* ‘быть беременной’, **twy* ‘пахнуть’, **gr* ‘падать’, **glw* ‘болеть’, **ry* ‘говорить’, **γšn* ‘любить’, **hVIVr*- ‘тень’, **hbr* ‘быть холодным’, **hilak*- ‘дым’, **hašy*- ‘земля, почва’, **kaʔl-at*- ‘яичко’, **kyn* ‘быть многочисленным’, **kapaʔ*- ‘молозиво’, **ksʔ* ‘находить’, **kny* ‘растить, выкармливать’, **kry* ‘прятаться’, **kaṭmīm*- ‘свежее масло’, **mrṭ* ‘советовать’, **nḥg* ‘играть’, **nkʔ* ‘приходить’, **nkl* ‘выбирать’, **nwh* ‘бороться’, **paḥl*- ‘половина’, **pqu* ‘покрывать; носить одежду’, **pr* ‘зевать’, **pšy* ‘обедать’, **ptʔ* ‘быть голым’, **rVmrVm*- ‘море’, **slb* ‘ждать’, **sār* ‘сзади’, **šaprir*- **št* ‘смотреть, наблюдать’, **šahar*- ‘старик’, **šny* ‘сеять, возделывать’, **šitim*- ‘небо’, **šaṭar*- ‘теленочек’, **šVgVr-at*- ‘долина, горный перевал’, **šVhāp*- ‘молоко’, **tlk* ‘вести’, **tVr*- ‘глина’, **ṭhr* ‘ранить’, **wkf* ‘молчать’, **wzm* ‘давать’.

Появление инновативных лексических единиц с неизбежностью влечет за собой отмирание более древних экспонентов соответствующих понятий. Среди терминов, хорошо сохранившиеся в большинстве других семитских языков, но полностью утраченных в СЮЯ, можно упомянуть **iš*- ‘дерево’, **aḥad*- ‘один’, **anp*- ‘нос’, **pa*- ‘рот’, **aṭm*- ‘кость’, **kl* ‘есть’, **iš-āt*- ‘огонь’, **anā(ku)* ‘я’, **šty* ‘пить’, **hdṭ* ‘быть новым’, **wrk* ‘быть зеленым’, **ybs* ‘быть сухим’, **ktl* ‘убивать’, **ry* ‘видеть’, **kw* ‘стоять’, **nVš*- ‘люди’, **tVrr*- ‘кремень’, **ynk* ‘сосать’, **wld* ‘рожать’, **hry* ‘быть беременной’, **aḥib*- ‘пятка’, **till*- ‘тень’, **wr/rw* ‘быть голым’, **šamāy*- ‘небо’.

Базовый словарь пра-СЮЯ обнаруживает значительное число нетривиальных фонологических и морфологических особенностей, характерных для определенных лексем. Поскольку эти «морфолексические особенности» имеют существенное значение для

составления «классификационного портрета» СЮЯ, упомянем в сжатом виде важнейшие из них.

- Родовой супплетивизм у прилагательного «большой»: мхр. *šōh/nōb*, джб. *ʔeb/ʔum*, сок. *ʔeb/ʔām*.

- Формы с *-r-* у рефлексов прасемитских терминов **bin-* ‘сын’ и **tin-ā* ‘два’.
- Формы **hat*, **hit* у местоимений 2 л. ед. ч. м. и ж. р. (< ПС **ʔanta*, **ʔanti*).
- Основа возвратного местоимения «сам» **nāp-* < ПС **napš-* ‘душа’.
- Основа **saʕ* ‘девять’ < ПС **tišʕ-*.
- Полный или частичный синкретизм понятий «солнце» и «день».
- Корень **ikt* ‘просыпаться’, восходящий к празападносемитскому **ykt* с окаменевшим *t-*префиксом рефлексива.
- Переход прасемитского **yamīn-* ‘правая сторона’ в **yamīl-* под влиянием **šimʔāl-* ‘левая сторона’.

Более семидесяти лет назад выдающийся французский семитолог Ж. Кантино пронизательно оценил степень лексического своеобразия СЮЯ: “Il est frappant de constater que des termes sémitiques très usuels sont souvent remplacés par des mots isolés et difficilement explicables”. Выполненный в настоящей главе диахронический анализ лексического фонда пра-СЮЯ позволяет в полной мере проследить обе тенденции, отмеченные Кантино: необычно высокое количество утрат среди наиболее базовых и широко распространенных прасемитских лексем, на смену которым приходят «странные» термины, не имеющие убедительных параллелей в других семитских языках.

Столь значительное число базовых понятий, для выражения которых используются уникальные экспоненты, следует признать важным аргументом в пользу гипотезы о генеалогическом единстве мехри, джиббали и сокотри. С учетом того, что эксклюзивные морфологические особенности (не говоря уже о доказанных общих инновациях), характеризующие эти языки, довольно малочисленны, значение лексического фактора при оценке исторического своеобразия СЮЯ трудно переоценить.

Чрезвычайно необычный облик базовой лексики СЮЯ вновь и вновь заставляет задуматься о диахронической природе характерных для этих языков «новых слов». Эта проблема неотделима от другого, не менее важного вопроса: почему именно в СЮЯ столь многие из ключевых прасемитских лексем оказались серьезно маргинализированными или даже утратились вовсе? Раннее отделение от общезападносемитского состояния, длительная географическая и культурная изоляция, влияние субстратов или адстратов – все

эти аспекты заслуживают внимания, однако на сегодняшний день ни один из них не может считаться решающим фактором в формировании лексического своеобразия современных южноаравийских языков.

Важное место в этой главе занимает дискуссия о внутреннем членении СЮЯ. На сегодняшний день известно две попытки аргументированного обсуждения этого вопроса.

Дж. Роджерс противопоставляет сокотри континентальным языкам на основании проведенных им лексикостатистических подсчетов: в то время как мехри и джиббали демонстрируют не менее **88** процентов общих лексем в списке Сводеша, между каждым из этих языков и сокотри обнаруживается лишь около **60** процентов общих терминов.

Другая модель классификации СЮЯ была недавно предложена французским исследователем А. Лонне. В рамках теории Лонне джиббали и сокотри (*sudarabique moderne orientale*) противопоставляются мехри. В своих заключениях Лонне основывается на двух морфологических изоглоссах: *-i- в качестве апофонического маркера женского рода у прилагательных с четырехсогласной структурой и утрата *tV*- в префиксальном спряжении некоторых глагольных классов и пород.

Тщательный анализ данных базового словаря показывает, что гипотеза Лонне выглядит заслуживающей доверия. Нельзя исключать, однако, что сравнительно большое число эксклюзивных лексических (да и морфологических) изоглосс между этими языками объясняется их большим консерватизмом в сравнении с более инновативным мехри. Важным аргументом в пользу такого предположения является этимологическая природа мехрийских терминов, соответствующих сокотрийско-джиббалийским изоглоссам: практически во всех случаях мы имеем дело с достоверными арабскими заимствованиями (*gawf* 'грудь', *ṭawāyl* 'длинный', *səyūr* 'ходить', *ʾarḩ* 'корень', *hēṣān* 'что'). Иными словами, эксклюзивные лексемы, общие для джиббали и сокотри, скорее всего являются древними, унаследованными из пра-СЮЯ словами, которые некогда были распространены и в мехри, однако затем утратились в ходе интенсивных контактов с арабским языком.

В кратком **заключении** обобщены основные результаты диссертационного исследования, прежде всего – краткая сопоставительная сводка классификационных построений на лексических основаниях с ранее принятыми классификационными моделями на основе морфологических инноваций. В заключении содержится также графическая схема семитской классификации, учитывающая как собственно генеалогическое древо, так и возможные сферы ареальных влияний.

В перечне **литературы** приведено около 700 книг и статей на русском и европейских языках.

По теме исследования автором опубликованы следующие работы

Книги

1. *Semitic Etymological Dictionary. Volume One. Anatomy of Man and Animals* (в соавторстве с А.Ю. Милитаревым). Münster (Ugarit-Verlag), 2000.
2. *Semitic Etymological Dictionary. Volume Two. The Animal Names* (в соавторстве с А.Ю. Милитаревым). Münster (Ugarit-Verlag), 2005.
3. *Corpus of Soqotri Oral Literature. Volume One* (в соавторстве с В.В. Наумкиным). Leiden–Boston (Brill), 2014.
4. *Genealogical Classification of Semitic. The Lexical Isoglosses*. Berlin (De Gruyter), 2015.
5. *Soqotri Texts in the Phonogrammarchiv of the Austrian Academy of Sciences. An Annotated Edition* (в соавторстве с В.В. Наумкиным). Oxford (Oxford University Press), 2015.
6. *The Arabic-Ethiopic Glossary by al-Malik al-Afdal. An Annotated Edition with a Lexical Index* (в соавторстве с М.С. Булах). Leiden (Brill), 2016.
7. *Corpus of Soqotri Oral Literature. Volume Two* (в соавторстве с В.В. Наумкиным). Leiden–Boston (Brill), 2018.
8. *Etymological Dictionary of Akkadian. Volume One* (в соавторстве с М. Креберником). Berlin (de Gruyter), 2020.

Статьи в международных научных журналах, индексируемых в WoS и Scopus

1. Socotrano-Biblica. *Vetus Testamentum* 70 (2020) 245–269.
2. Additions and Corrections to Wolf Leslau’s *Comparative Dictionary of Ge‘ez* (1987–2017). *Journal of the American Oriental Society* 139 (2019) 893–905.
3. The Broken Plural in Soqotri. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 82 (2019) 1–23.
4. Language and Administration in a Recently Published Collection of Sargonic Documents. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 169 (2019) 281–311 (в соавторстве с Е.В. Маркиной).
5. “The Lord”: An Apology for the Muslim Faith from the Island of Soqotra. *Journal of Semitic Studies* 64 (2019) 535–563 (в соавторстве с Д.В. Черкашиным).
6. On Some Poorly Known or Unrecognized Verbal categories in Soqotri: 1905–2015. *Brill’s Journal of Afroasiatic Languages and Linguistics* 9 (2017) 73–105 (в соавторстве с М.С. Булах).
7. Soqotri Lexical Archive: the 2012 Season. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 166 (2016) 57–80 (в соавторстве с В.В. Наумкиным, Д.В. Черкашиным).
8. Soqotri Lexical Archive: the 2011 Fieldwork Season. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 165 (2015) 41–61 (в соавторстве с В.В. Наумкиным, Д.В. Черкашиным).

9. Two Archaic Poetic Compositions in Soqotri. *Journal of Semitic Studies* 59 (2014) 131–161 (в соавторстве с В.В. Наумкиным).
10. Waw sargonicum: on Parataxis in Sargonic Royal Inscriptions. *Zeitschrift für Assyriologie* 104 (2014) 1–14..
11. The Soqotri Lexical Archive: the 2010 Fieldwork Season. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 163 (2013) 61–95 (в соавторстве с В.В. Наумкиным, Д.В. Черкашиным).
12. South Ethiopian Pronouns and Verbs in an Arab Grammatical Text Revisited after Seventy Years. *Journal of the American Oriental Society* 131 (2011) 617–621 (в соавторстве с М.С. Булах).
13. Arabic Influences on Tigre: a Preliminary Evaluation. *Bulletin of the School for Oriental and African Studies* 74 (2011) 1–39 (в соавторстве с М.С. Булах)..
14. The Genealogical Position of Tigre and the Problem of North Ethio-Semitic Unity. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 160 (2010) 273–302 (в соавторстве с М.С. Булах).
15. Three Etiological Stories from Soqotra in Their Near Eastern Setting. *Journal of Near Eastern Studies* 74 (2015) 289–299 (в соавторстве с В.В. Наумкиным, Д.В. Черкашиным).